

18+

Анатолий Мусатов

БРАТСТВО

ЗОЛОТАРЕЙ

Анатолий Мусатов

**Братство золотарей.
Остросюжетный детектив**

«Издательские решения»

Мусатов А. В.

Братство золотарей. Остросюжетный детектив / А. В. Мусатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602937-8

Старший опергруппы капитан Стариков, получает дело об убийстве школьницы и расчленении ее тела. Полное отсутствие улик и подозреваемых, однако, не поставило его в тупик. Несмотря на намеренное запутывание хода расследования, Стариков и его группа, отбрасывая многочисленные ложные пути, находят изувера.

ISBN 978-5-00-602937-8

© Мусатов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Братство золотарей Остросюжетный детектив

Анатолий Васильевич Мусатов

© Анатолий Васильевич Мусатов, 2023

ISBN 978-5-0060-2937-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Эпистема... Влезая в сапоги, Стас невольно поморщился. Развивший от них густой запах протухшей рыбы буквально сбивал с ног. Наспех проглоченный завтрак незатейливо напомнил, что может запросто покинуть его утробу, если это издевательство будет продолжаться и дальше.

Поначалу эти растреклятые сапоги ничем таким не выделялись среди остальной обуви. И только после недели интенсивной носки по квартире стал распространяться жуткий запах мертвечины. Жена долго не могла понять, что за дохлятина изволила сделать из их прихожей (так как запах ощущался там сильнее всего) фамильный склеп. Трудно было предположить, что сапоги могут быть, судя по их запаху, изготовлены из шкуры провонявшего говяжьего трупа. «Видимо, в целях экономии, вырытого прохиндеями-артельщиками из скотомогильника», – прокомментировал версию происхождения сырья продавец магазина рабочей спецодежды. Взбешенный донельзя этим обстоятельством, Стас подступил к нему с требованием обменять сапоги, ввиду невозможности их использования.

Бестия-продавец наверняка уже имел такого рода беседы с озорчанными покупателями. Видимо, Стас был не первым покупателем, требовавшим обменять сапожью тухлятину на кондиционный товар. После непродолжительного молчания, окинув Стаса оловянным взглядом, продавец осведомился:

– Может вам и столик с приборами накрыть, где вы изволите откушать ваши сапоги?

Стас оторопело откинулся от прилавка и воззрился на остряка-торгаша:

– Ты чё, мужик, оупел?! Бабу свою корми такими шутками! От них же разит дохлятиной, а ты тут торгуешь ими, как будто так и надо!

Продавец вздохнул. Цыкнув сразу всей зубной наличностью, он с усталостью в голосе произнёс:

– Слушай, парень, ты куда пришёл? Ты, часом, не спутал магазины? Мы обувью торгуем, а не продуктами! Ты, чего, колбасу испорченную принёс, что ли? Запах, у него, видите ли, в сапогах! Ноги мой, носки стирай, в общем, занимайся почаще гигиеной, и тогда всё в порядке будет!

И, ловко увернувшись от нацеленного в его голову сапога, захохотал:

– Да тише ты, мужик! Шуток не понимаешь?! Сапоги у тебя каши не просят? Подметки нигде не оставил? Лопнули они у тебя где-нибудь?! Нет? Вот будут претензии по этим вопросам, тогда милости просим, если, конечно, гарантия на них не пропадет. А что воняют они, – так это не к нам, а на фабрику. Их там делают, а мы только продаем! Вот так, такие вот сапоги с котятами!

Дело, конечно, кончилось ничем. Выжига-продавец был, что называется, в своём праве. Сапоги, несмотря на ужасающий запах, своей функциональности ни в малейшей степени не потеряли. И хотя вся сантехническая братия, особенно Харицкая, посещая утренние пятиминутки, недовольно крутили носами, пытаясь обнаружить источник зловонного запаха, Стас благоразумно молчал. Подозрительно оглядывая подначальных ей слесарей-сантехников, Харицкая, с брезгливой интонацией в голосе, сообщала о своем желании, чтобы все присутствующие соответствовали общеупотребительным санитарным нормам. А посему, перед посещением присутственного места, где бывает высокое начальство, отмывали себя от производственных запахов и прочих, сопутствующих столь специфичной работе, конкретный.

Стас справедливо полагал, что из-за этой напасти, причем, не стесняясь в выражениях, его запросто могли попросить сменить обувь. Именно этого сделать он не мог. Таковая у него имела в наличии только в единственном экземпляре. Да и эту пару, в связи с отсут-

ствием финансов, заменить на какую-либо другую, позволяющую свободно шастать по залитым нечистотами подвалам, в данное время он был не в состоянии.

Помянул он в сердцах эти злополучные сапоги впоследствии ещё только раз, когда санитар в Склифе разрезал голенище левого сапога очень похожими на садовый секатор ножницами, такими же кривыми и устрашающе огромными. Стасу тогда судьба этих сапог была уже безразлична, как бывает безразлична человеку в его положении, ибо левая нога была напрочь отломана косым переломом в голени. Слишком уж судьбоносной оказалась эта пара ароматнейших примитивных изделий!

Невыспавшийся, с раздираемым зевотой ртом, Стас как сомнамбула сидел на стуле, тараща глаза на бригадира. Полночи он на пару с Виктором пробегал с залитого кипятком пятого этажа в подвал, перекрывая отопительный стояк со свищем. Как всегда, старые задвижки не держали. Они щедро подпитывали изрядный поток кипятка, лившийся вниз по лестничным маршам шумным водопадом. Проклиная жмота «Череп», напарники кое-как перекрыли до допустимых пределов воду. Судьба же, в довершении ко всему, приготовила им самый неприятный сюрприз. Стояк прогнил настолько, что не держал первейшее средство для этих дел, как хомут. При малейшей попытке затянуть его покрепче, хомут сминал трухлявое железо будто пластилин.

Виктор, в сердцах пнув полудюймовую трубу, мрачно изрёк: «Ну, блин, попали к бабе на ночь! Сейчас натрахемся!». Простукав выше и ниже от места протечки он на слух определил в стояке крепкие места, где можно нарезать резьбу. «Ну что, часика три эта падла нашего здорового крепкого сна у нас украла, едри его в задвижку. Завтра с „Череп“ за это я возьму хорошую компенсацию». С сим резюме они отбыли в мастерскую. Прихватив полуметровый отрезок трубы и остальную оснастку, мужики опять потащились за два квартала в залитый кипятком подъезд. Прокрутившись около осточертевшего по истечении полутора часов стояка, они, наконец, поставили на бочата новую вставку.

За окном, выходявшим на лестничный пролёт, уже занимался морозный февральский день. Стас, забрав у Виктора сумку с инструментами, благо, что жил он ближе, чем его напарник, сказал:

– Осталось только что позавтракать, да и в диспетчерскую. Ты что, погреться домой? Давай двинем сразу в бригадирскую. По пути захватим чего-нибудь пожевать и попить. Охота тебе мотаться в такую даль на какой-то час. Я домой не пойду точно!

– А что, – отозвался Виктор, – дело говоришь! По морозу идти неохота...

Скользя на заледеневших от разваренных кипятком подошв сапог, мужики потихоньку двинулись к ближайшей ночной палатке. Отоварившись «джин-тонином» и колбасой с батоном, через полчаса они, сидя на лавке у пышущей жаром батареи, блаженствовали.

Через час, получив заявку от «Череп», напарники, тихо радуясь, что успели заправиться некоторым количеством допинга, брели к восьмиподъездному дому. Из заявки выходило, что вот уже три дня в залитые нечистотами пять отсеков, регулярно добавлялись щедрые порции экскрементов. Пока вонь не достала до печенок закаленное обоняние жителей, они все это время добивали канализационное начальство нудными просьбами избавить их от окаянного счастья вдыхать жуткий спектр ароматов экскрементов.

Стаса всегда мучило от мысли, что придется, стоя по щиколотку в мерзейшей густой субстанции, пробивать скользким от постоянного смачивания в ней же смердящим тросом забитую канализацию. Выход был всегда один – вышибить из сознания эту мысль, как непозволительную роскошь каким-нибудь средством. Средство было проверенным и надежным, – небольшая отвлекающая порция слабоалкогольного питья. Виктор, абсолютно не реагировавший на все превратности их рабочей обстановки, больше любил «джин-тоник». Стасу за ком-

панию пришлось употребить свою вторую половину из литровой бутылки противной, приторно-сладкой жидкости.

Как и во всех прочих подобных местах, в подвале освещение отсутствовало в принципе. Потому, идя на дело, сантехникам приходилось брать с собой фонарики. Вырывая перед собой небольшое желтое пятно из густого мрака, напарники направились к месту канализационного затора. Едва лишь открыли дверь в подвал, как чувствительный нос Стаса напрочь забили зловонные, тяжелые, хоть режь ножом, с изрядной долей аммиака, миазмы человеческих испражнений. Осторожно продвигаясь по прихотливым лабиринтам подвала, напарники ежеминутно пригибали голову, чтобы не врезаться в какую-нибудь трубу или воздуховод. То и дело застревая на порошках, они с трудом тащили огромную бухту толстого телефонного кабеля, служившего прочистным тросом. Скоро фонарик выхватил мокрые разводы на полу. Виктор остановился:

– Разворачиваем. Я потащу вперед, а ты подавай.

Он нацепил фонарь на ватник и потянул кабель. Тот дернулся, как огромная черная змея, и медленно заскользил из бокового коридора в отсек с канализационными трубами. У Стаса с самой ночи было смутное ощущение какой-то неприятной неожиданности, которая непременно должна с ним случиться этим днём. Ещё не привыкший к специфике своей работы, Стас и сейчас увидел своё окружение в непривычной для нормального обывателя обстановке: чёрный ореол фигуры Виктора в слабом свечении фонарика уходящего в непроглядный мрак, тусклые отблески на оболочке кабеля, внезапный шум обрушивающейся воды в трубах и запах! Где-то там, в дальних углах, отчетливо угадывалось брожение созревающей в тепле и покое каловой массы. Ее выдавало хлюпанье больших пузырей. А постоянно сливаемая с этажей жижа подкатывалась к сапогам омерзительными наплывами своего разнообразнейшего содержания...

Внезапно кабель дернулся. Стас понял и, держась за него, как за нить Ариадны, осторожно вошел в густое, покрывавшее пол подвала двадцатисантиметровым слоем, желе. С чваньем выдирая ноги, он через минуту уже был около Виктора. Тот держал утолщённый конец. Крутя головой, высматривал около себя входное отверстие выпуска на трубе.

– Всё залило, – пробормотал он. – Пошарь вот здесь. Там должна быть заглушка. Вытащи ее.

– Чем вытащить? Хоть бы взяли что, – перчатки, что ли!

– Сапогом выбей. Она высоко торчит. Если её уже не вышибло этой дрянью.

Минут двадцать Стас, подбадриваемый легким матом Виктора, который комментировал его беспомощные действия, нашел искомую дыру. С трудом вогнав толстую голову кабеля в отверстие, они изо всех сил навалились на него, проталкивая неподатливую массу вглубь. После четверти часа топтания около скользкого, вырывавшегося из рук кабеля, мужики добились своего. Пятиметровый конец его внезапно весь ушел вниз, чуть не опрокинув усердных толкачей прямо в смердящую жижу! Масса, с хлюпаньем и с шумом проходящего поезда, заревела, проваливаясь в коллектор.

Балансируя на скользком полу подвала, напарники потащили кабель напрямик через отсеки к выходу. В первом же сухом отсеке Виктор остановился.

– Ну, всё! Бросай его здесь. Двинули отсюда, надо подождать. Эта зараза может снова забить сток. Пойдем наверх, почистим снегом свои говноступы.

– Фу-у-у!... Меня это смердение до блевотины доведет! Надышался, как наелся, – по самое некуда!

Стас часто и глубоко сделал несколько вдохов морозного воздуха.

– Привыкай! – с философской неторопливостью отозвался Виктор на брюзжание напарника. – Это только начало. Летом хуже будет! В каждой квартире душ на полную катушку врубится, воды будет раза в три больше. Сейчас что, – одно говно пополам с тряпками и под-

тирками! Вот когда всё это поднимется вверх на полметра, тогда точно упреешь дышать. В общем, – готовься! – закончил он свою сентенцию, тщательно обтирая о снег с сапог налипшие нечистоты.

Присев на бетонное ограждение у входа в подвал, мужики примолкли. Середина февраля хоть и пугала внезапными морозцами, но к полудню сдавала свои позиции. Солнце всё настойчивее давило своим теплом. Хотя все оно растворялось в морозном воздухе, всё же чувствовалось приближение весны. Ноздреватый снег уже не голубел. Осев к земле, он отдавал сырým влажным запахом прелой травы, пробивавшимся через мокрые проталины.

Уходить не хотелось. Из подвала, через открытую дверь, вместе с клубами перегретого спертого воздуха по-прежнему тянуло приторно-сладковатой смердью. Виктор, докурив сигарету, стрельнул ею в сторону. Потянувшись, сказал:

– Хорошего понемножку! Хотя и противно, но надо идти туда, где проходит лучшая половина нашей жизни...

Стас удивленно воззрился на него:

– Ты чего, травки курнул, что ли?! Надо же, куда тебя понесло!

– Да едрить-смолить немеряно! На твою рожу посмотрел, – застрелиться захотелось! На ней же написано полпасти зубной боли!

– Уж лучше бы зубная боль! А тут!..

Стас махнул рукой и, встав, затопал по ступеням, ведущим в подвал. Плотный удушливый мрак не скоро дал возможность присмотреться и притерпеться к необычному сочетанию вони и тьмы. Они были так ощутимо реальны, что Стасу взаправду показалось, с какими усилиями он будет пробиваться дальше, раздвигая эту удушливую субстанцию руками.

Осторожно переступая через бетонные порожки, разделяющие каждую секцию, он шел на свет фонарика Виктора. При виде лежащего на полу кабеля, Стасу вдруг пришла на ум фантазмагорическая ассоциация. Блестевшая в тусклом свете оболочка казалась живой кожей. Сам кабель, всеми своими напряженными изгибами, производил впечатление гигантского чёрного глиста, выползшего из экскрементов...

За полчаса их отсутствия вся зловонная жижа ушла, оставив на полу вздутия фекалиевых отходов.

– Ну и что с этим будем делать? – уныло спросил Стас. Ему вовсе не улыбалось сгребать лопатой перемешанное с тряпьем и бумагой дерьмо. Наказ «Череп» строго-настрого предписывал именно такие действия в случае сложившейся ситуации.

– Да ничего делать не будем, – отвечивал Виктор в своей обычной рассудительно-степенной манере. – Само высохнет. Можешь мне поверить.

– А если «Череп» удумает проверить? – скептически усмехнулся Стас.

– Да ни в жисть! Сколько раз так уже было...

Виктор оглядел все вокруг, посветив фонариком по углам, и недовольно заметил:

– Что-то в этот раз вони больно много. Небось, пара-тройка дохлых кошек где-то поблизости валяется. Если бы не засор, они бы усохли в этой жаре за неделю и всё. А так их размогло, вот и гниют.

– Вот-вот, – обеспокоился Стас, – и будут они вонять до тех пор, пока кто-нибудь не позвонит опять по этому поводу в диспетчерскую. Уж тогда-то «череп» точно припрётся! Надо их выкинуть.

– Ладно, после обеда зайдем. Всё равно нужна коробка и лопата. Пошли посмотрим, где там они валяются.

В смежном отсеке было уже относительно сухо. Виктор осветил все углы. Только свет достиг самого дальнего угла, как напарники увидели большую грудку черного полиэтилена. От нее в стороны порскнули несколько теней.

– Блин, крысятничают твари! Что-то там на обед себе надыбали!

Стас и сам уже успел заметить удиравших крыс. Но, кроме этого, ему ударил в нос густой сладковато-тошнотный запах гниющего мяса.

– Что там может быть?! Собаку, наверное, кто-то выбросил, подонок! Нет, чтобы закопать, так норовят похамничать!

Виктор с раздражением подошёл к груде полиэтилена. Стас брезгливо остался стоять на месте. Воротя нос в сторону, он вдруг услышал, как Виктор не то вскрикнул, не то ухнул, как человек, попавший под ледяной душ:

– Ух-х-ма-а! Стас, давай сюда! Гляди, что тут упаковано!

Стас неохотно приблизился, но оттого, что высвечивал фонарик Виктора, у него захолонуло в груди. Из разорванной полиэтиленовой упаковки им навстречу тянулась изуродованными пальцами обгрызенная человеческая рука.

Он отшатнулся. Призрачно-желтый свет фонаря, фосфоресцирующе высветив изломанный контур кисти руки, четко пропечатал его в черной тьме подвала. Это было настолько неправдоподобно, что в голове мельком проскочила самая здравая мысль для образовавшейся ситуации: «Может, манекен кто-то припрятал...». Стас неуверенно поделился ею с Виктором:

– Может это, того... манекен там завёрнут...

Виктор сверкнул на него ошалелыми глазами:

– Ну да, для крыс показ модных тряпок устроили!

– И что теперь делать будем?

– Ментов звать, что ещё!.. Вот чёрт, влипли! Теперь затаскают с расспросами, что да как!.. – Он почесал рукой в затылке. – Ничего не сделаешь, пошли звонить в ментовку.

– Надо бы «Черепу» сообщить, пусть он и звонит.

– О, точно, дело говоришь!

Виктор покосился на полиэтиленовую груду и покачал головой:

– Что-то больно рука мала! Может, ребенок или девчонка?!

– Слушай, как-нибудь без нас разберутся. Пошли скорее, а то мороз по коже...

– Ты чего! Да под это дело мы сможем скостить весь оставшийся день! Кто тебя будет про-
верять, если ты заявишься с такой новостью! Пошли лучше, «джин-тоник» возьмём да посидим где-нибудь на солнышке. Нам проветриться не помешало бы после такой работёнки! Э?..

Виктор, даже не интересуясь мнением Стаса, будто заранее зная ответ, не сказав ни слова, направился к выходу. Стас заторопился следом, ужасаясь самой возможности остаться здесь хоть на мгновение одному. Мысли суматошно крутились в его голове, обрываясь на половине. Каждая из них, размером в одно-два слова: «Как?..», «Откуда?..», «Кто?..», выбивали все остальные, более суетные. Стас потому принял решение Виктора с облегчением и даже с некоторым рвением, дополнив его своей качественной стороной предложения:

– Ну его, твой «джин-тоник»! – поморщился он. – Пузырь водяры и ко мне. Жены до вечера не будет, а с докладом и завтра успеем! Авось не убежит это дело никуда из подвала! Ты сам говоришь, что по этому случаю никто и не вспомнит о нашем исчезновении! Да и под вечер в ментовке неохота париться да писать, что да как!

– А чё, нормалёк! – Виктор довольно хмыкнул. – Вот оно, – никогда не знаешь, чей случай обернётся тебе на пользу. Загубили кого-то, оно уже вроде и прахом стало, а для нас, видишь, конкретной пользой обернулось!

Стас искоса бросил взгляд на напарника. Что-то он сегодня расфилософовался. Не иначе, как на пару пузырей его настроеннице потянет...

Приспустив очки, Макарыч быстрым взглядом окинул комнату. Все напряжённо ожидали его резюме. Ремгруппа отсутствовала в полном составе. Это обстоятельство обещало присутствующим узреть своего бригадира в ближайшие две-три минуты в роли громовержца. Но вместо этого Макарыч уткнул голову в список заявок и буркнул:

– Никонов и Малышев на засоре, ещё не пробили, наверное...

– Ага, ложки маленькие взяли, не успели всё прохлебать! – перебил его Алексей. Маленький, с втянутой в плечи головой, он с довольной ухмылкой вытянулся на стуле. Остальные, радостно заржав, отсыпали свою порцию шуток на эту тему. Одна Антонина, мастер участка, сурово одёрнула его:

– Фу, Лёш, тебе бы только всё гадость сказать! – Она нервно передёрнула плечами. – Хватит тут тошноту разводить!

– Какую гадость?! Работа у меня такая! За день столько наворочаешь этой самой гадости, тебе и за всю жизнь не наделать столько!

Алексей лукавил. Скрестив ноги и упершись подбородком в грудь, он довольно хихикнул. Его забавляла сама мысль о возможности кому-то возиться в зловонной жиже. Сам он был навсегда избавлен от подобного дела благодаря своему неприкасаемому статусу сварщика. «Я сварной», – и точка» было решающим аргументом в любой попытке «Череп» отправить Алексея на подобного рода работы.

Бригадир оставил без внимания приколы сварщика. Его сейчас полностью занимала, вернее, донимала одна проблема. Среди поступивших заявок была одна, чрезвычайно его взволновавшая. Жилец просил заменить всю канализационную и отопительную подводку, желая сменить старый сантехнический интерьер на только что купленный. Но посыпавшиеся в изобилии из-за «бугра» унитаза, раковины и прочие ванны частенько подкладывали изрядную свинью своим счастливым обладателям. Они не желали стыковаться и вписываться в габариты мест общего пользования.

Предстоящий объём работы грел душу до чрезвычайности. Но соответственный работе объём дипломатии несколько снижал градус эйфории. Договориться с заказчиком о сумме выполненных работ Макарычу не представлялось особой трудностью. Выбить, сколько надо, можно с лёгкостью, ибо все остальные коммерческие фирмочки и артельки обойти чуть меньшей суммой вознаграждения было элементарно. Наверняка мужик уже прозондировал все варианты. Вряд ли он, уstraшенный сроками и запрошенной суммой, бросился в их объятия.

Гораздо большую трудность представлял разговор со своими архаровцами. Они-то мужики тёртые. С их аппетитами они запросто могут отъесть за работу столько, что оставшееся не оправдывает хлопоты по этому делу. Предстояло не только мягко намекнуть заказчику о конфиденциальности их договора, чтоб ушлые слесаря не докопались до разницы между полученной и договорной суммой, но и скомбинировать требуемый материал. Старое чуть разбавить новым, все сварные работы свалить на... «На кого?! Этот недоделанный прапор только всё испортит своей хреновой дотошностью. А молодой сварной, Игорь, из второй диспетчерской, слишком часто якшается с Харицкой. Опасно... „Чечен“ может запороть работу, хлебает слишком много водяры...».

– Ну, чего, долго ещё будем сидеть? – оборвал тяжкие размышления Макарыча Алексей. Остальные разом загудели, кое-кто встал, а Виталий, подхватив свой баул, весомо сказал:

– Макарыч, у меня есть работа, я пойду! Чего протирать штаны рядом с этими бездельниками!

– А, да, ты иди, вечером позвонишь.

Раздав задания, бригадир перелистал список заказов на материалы. Их количество предстояло обосновать в гендирекции. Само по себе это превращалось в нелёгкое испытание. Как всегда, прижимистые хозяева срезали практически всё, а заделы были необходимы как воздух! Из них черпались все приборы на скрытые халтуры, вроде этой. Она для своих слесарей проходила как официальная заявка, но в действительности это была чистейшей воды халтура. Балансирование на лезвии ножа! Ни Харицкая, ни, упаси бог, кто из дирекции ни сном, ни духом не должны были прознать о ней. Сколько нервов из-за каких-то копеек! А что делать! Нелегко было обосноваться в Москве, но ещё труднее выжить в ней! Жмут, давят, рвут со всех

сторон, чтоб их!.. Не будешь сам таким, всё – кранты!.. Вот и приходится крутиться, ловчить, изворачиваться, подставляя чужие бока под удары, чтоб уцелеть в этой молотилке. И откуда только такая жизнь свалилась! Крепко видать поработала вражья сила, чтоб таких, как мы, на дыбу вздёрнуть...

Мысли тянулись как жвачка, не отпуская измаявшуюся от них душу. Макарыч с досады тряхнул головой. «Их на дело-то не осталось, а тут такой шелухой мозги забиты! Думай не думай, всё одно остаётся только крутиться, как заведенному. Кому какое дело, что позвоночник, как раскаленный штырь, неделями продыху не даёт от боли, – руки в ноги и пошел, пошел...».

Макарыч перепрыгнул через лужу талой воды, поскользнулся и едва устоял на ногах. Тротуары стали непроходимы. Он со злобой подумал о тунейдах-дворниках, по чьей вине он едва не угодил в грязную лужу. «Срезать гадам нужно все премиальные... Чей это участок? Надо сказать технику-смотрителю, чтоб взащей гнала всех на работу!..».

Подходя к диспетчерской, он уже был изрядно взвинчен. Едва войдя в аппаратную, Макарыч обрушился на дежурного диспетчера Галину Федоровну.

– Что у вас перед окнами грязи море разлитое! Звони, вызывай машину, чтоб через час всё чисто было! Пройти нельзя!

А у самого неотвязно крутилась мысль о тайной цели прихода сюда. Он направился в слесарку. Из-за дверей слышался гомон голосов, несколько измятых неровным выговором. «Опять...», – только и промелькнула у Макарыча привычная мысль. Он рванул дверь слесарки на себя. На него плотной атмосферой обвалилась густая смесь табачного перегара, ядреной алкогольной вони и каких-то тошнотворных закусочных ингредиентов. Увидя бригадира, вся компания лениво попрянула руки за спину с зажатыми в них пластмассовыми стаканчиками.

Макарыч обвел всех тяжелым взглядом и упёрся им в сидевшего напротив молодого Алексея:

– Что празднуем?

– Да так, с заявки пришли, чуток расслабились. Но всё в норме. Сейчас передохнём и двинем на следующую...

Мужики одобрительно загудели, поддакивая ему.

– Мы... это, кое-что взять заскочили, – вылез вперед всех низкорослый, словно скукоженный, Сашок. – Там... замеры надо сделать у одного мужика... Он ставить хочет новый компакт и ванну, так мы это... ик! – внезапно оборвал своё сообщение Сашок от тычка в бок. На него зашикали и задвинули куда-то в угол.

У бригадира словно что-то вдруг оборвалось.

– У кого... замеры делать? – с трудом сглотнул он внезапно образовавшийся ком в горле.

– Да, – замялся Алексей, – «шепила» дурь несёт с усталости. Слушайте его!

– Хорошо. – Бригадир сделал длинную паузу. – Пьянство в рабочее время и «халтура», – этого хватит, чтобы кое-кого, как паршивую овцу, из стада выкинуть, чтобы других не портили!

– А чего вы на меня смотрите! – вскинулся шепелявый Сашка. – Я не больше других...

Макарыч хорошо рассчитал свой ход, выбрав в козлы отпущения недалёкого Сашка. Он был из тех мужиков, которым руки приделали, а ума не дали. К тому же, несколько раз замеченный в распитии на рабочем месте и длительных загулах висел у начальства на последнем предупреждении. В совокупности это делало Сашка несколько нервным. Он понимал, что держат его только из-за неполного наличного состава слесарей. А потому работать ему осталось здесь до заполнения кадрового вакуума.

– К четырём зайдешь ко мне.

Макарыч угрюмо взглянул на подавленного Сашка и вышел из слесарки. «Что же это за сучня такая! Неужели этот мужик проговорился?! Ведь уговорились с ним! Так он решил подешевле подсуетиться! Ну, если это так, держись, мудила!».

Макарыч не был провидцем. Едва дождавшись прихода Сашка, хотя втайне и надеялся на ошибку в своих предположениях, после нескольких уточняющих вопросов, распрошавшись с надеждами на солидный куш. Сашок, еще больше шепелявя и от усердия брызгая слюной, мгновенно раскололся. Он ещё что-то говорил, но Макарыч уже не слушал. В его голове уже зрел дьявольский план отмщения ссучившемуся заказчику! Отомстить, да так, чтобы при мысли о сантехнике он исходил рвотой да икотой на всю свою жизнь!

– Угу, – после некоторой паузы сказал бригадир изогнутому зловещим молчанием Сашку. – Иди, делай, что с тобой поделаешь. Но ты, как только демонтируете трубы и собьете плитку, в общем, перед самым началом монтажа, накануне, придёшь и скажешь мне. И упаси тебя бог забыть об этом! Я тебе пропишу такой волчий билет, что все ДЭЗ'ы в Москве при твоём имени будут отрешиваться от тебя, как от чёрта. Ты меня понял?!

– Да чё-ж, – Сашок часто и мелко затряс головой, – мамой клянусь, будете знать аккуратно вовремя...

Утром следующего дня покой и размеренный распорядок почтенного учреждения были взорваны. Словно невидимый террорист, употребив особый заряд, покусился на самое ценное в глазах любого начальства – заведённый порядок. Весь коллектив гудел и метался от одного свидетеля к другому. Каждый лично желал насладиться новизной такого события. Малярши, в силу боязливости своего женского естества, ужасались и страшились расспрашивать подробнее. Тем не менее, образуя внешний круг слушателей, с жадностью поглощали потрясающие душу и воображение подробности. Мужики же, кто с откровенным интересом, кто с напускным безразличием, а кое-кто, выказывая отменное присутствие духа, требовали таких деталей, кои приличествовало бы знать лишь патологоанатомам.

Ещё больше подогреваемые таким вниманием Виктор со Стасом уже не скупилась на них. Дополняя друг друга и на лету уточняя всё вновь возникающие подробности вчерашнего и сегодняшнего утра, они всю старались расписать это жуткое событие. Слушатели даже и не догадывались, чему они были обязаны такой словоохотливости. На часах было уже четверть одиннадцатого, а коллектив (неслыханный случай!) всё потрошил своих коллег.

Вчерашняя находка стала для обоих, в общем-то закалённых жизнью мужиков, довольно обременительным эмоционально-нравственным артефактом. Опрокидывая стопку за стопкой, они никак не могли отвязаться от назойливого ощущения брэнности человеческого существования. Не то, что бы они не знали об этой таинственной стороне бытия, но что бы вот так, в пакете!.. В вонючем, залитом самой мерзкой субстанцией, подвале!.. Будучи распотрошённым на куски рукой подлой твари окончить свои дни!

Каждый из них перевидал на своём веку достаточное количество покойников. И всё же сама мысль об этом изуверстве загоняла здравый рассудок в самый дальний угол, а глаза застилались красным маревом! Обсудив всевозможные виды казней для этого выbledка, попалось он им в руки, мужики и не заметили, как нагрузились водочкой до состояния грогги! И долго потом напарники, поддерживая друг друга под локотки, ходили окрест, рассказывая всем встречным мужикам об испытанном потрясении и несправедливостях судьбы...

На утро Стас еле слышал трезвон будильника. Вчерашние страсти напрочь испарились из его гудевшей пустым котлом головы. Один взгляд, брошенный на выставленные женой у двери три пустые поллитровки, дал повод третируемому таким количеством противоестественной его желудку жидкости немедленно извергнуть её остатки из себя. Изнемогая от неравной борьбы, Стас привёл себя в порядок. Одевшись, он с возможной сейчас для него скоростью, устремился к ближайшей палатке.

Он не успел сделать пару глотков пива, как сзади его обхватили исходившие дрожью длинные руки, Сиплый, отдалённо напоминающий голос его напарника, прохрипел:

– Ну, хорош, дай глотнуть, не то помру...

Стас не стал противиться столь страстному желанию напарника. Пока Виктор допивал остатки спасительной жидкости, он, отдуваясь и отрывая свирепые по своей крепости желудочные миазмы, молча приходил в себя. Виктор освободил бутылку и медленно поставил её на прилавок.

– Ф-у-х! – Виктор помотал головой и страдальчески сказал. – Еле дождался тебя, боялся, что ты уже проскочил!.. Час здесь стою!

– А чего? Встретились бы в конторе...

– И что бы мы сказали «Черепу»?! Надо же всё уточнить...

– И то правда! – сморщился Стас, – забыл! Ещё бы, по литру вчера опрокинули, не считая пивка!

– Я тут прикинул, пока ждал тебя. Нам нужно полчаса подождать... прийти в себя. Скажем, что были в подвале, ну, уточнить, что ли, что там в мешке...

Стас молча кивнул, борясь с подступившей к горлу тошнотой. Справившись, он торопливо купил ещё бутылку крепкого пива. Залпом отхлебнув половину, сказал:

– Вот теперь порядок!.. Ты чего-то рано сегодня поспел сюда?

– Я дома не был, ночевал тут у одной... после того, как мы разошлись.

– А понятно...

Дождавшись некоторого уравновешенного состояния, напарники предстали пред всем честным собранием со скорбно-отрепёнными минами на лице. Затянувшееся молчание прервал сам «Череп»:

– Так, всё понятно! Праздник продолжается, уважаемые?

Притихшее собрание с интересом наблюдало за началом захватывающей дуэли, но было жестоко обмануто. Виктор вздохнул всей грудью. Со скорбной интонацией в голосе он выбросил на выдохе, как последние в жизни слова, фразу:

– Если кому-то изрубленный покойник в полиэтилене праздник, то сто лет тому икать кровавой сопаткой!

– Чё ты за херню тут несёшь? – мгновенно вскинулся «прапор» Алексей. – Лучше скажи, когда это вы успели нажраться?!

Бригадир молчал, ожидая ответа на вопрос шустрого сварного. Виктор заскрёб рукой на груди под ватником. Обратив взгляд к Макарычу, закачал головой:

– Степан Макарыч, звоните в отделение милиции. Пусть высылают наряд туда, где мы вчера пробивали засор, в двести пятьдесят шестом, во втором корпусе. Под конец, после пробивки, мы стали убирать остатки с пола и наткнулись в углу на части тела в мешке, в углу приткнут был. Вчера было поздно. Мы решили сегодня еще раз проверить, что там. Там кошмар! Сами мы не стали сообщать в милицию, решили, что это должно сделать начальство...

Макарыч потёр подбородок и саркастически осведомился:

– Где, говоришь, лежит этот мешок?

– Прямо в пятом подъезде, в соседнем с выпуском отсеке.

– Так! У кого есть заявки, за работу! А вы сидите здесь, я сейчас приду, – и, вскочив из-за стола, скрылся за дверью.

Никто даже и не помыслил разойтись в такой момент. Насев плотной группой на мучимых свирепым похмельем мужиков, коллектив всего ДЕЗ'а потрошил их на предмет захватывающей информации. Вернувшийся Макарыч вместе с Харицкой разогнали всех по рабочим местам.

– Что там у вас случилось? – без предисловий недовольно спросила она. – До глюков, что ли, напились? Какая ещё расчленёнка в мешках?!

– Да вы что, Юлия Семёновна! – разом вскричали оскорблённые напарники. – Сами сейчас увидите этот глюк! Но вам точно сначала нужно вызвать оперов. Им мало не покажется!

После сделанных звонков в милицию Виктор повёл начальство к месту события. Сославшись на кошмарность зрелища и свой слабый желудок на этот счёт, Стас наотрез отказался идти с ними. Кое-как промучившись до конца рабочего дня, он вечером позвонил напарнику. Виктор было загундосил что-то в трубку, но Стас, уловив недовольные интонации в его голосе, спросил:

– Чего ты там мямлишь? Были менты? Чего они сказали?

– Чего сказали?.. – пробурчал Виктор в ответ. – Тебе что, а меня всего задёржали, – что да как?! Кучу идиотских вопросов задавали и продержали меня до четырёх часов в ментовке. Человек пять их спрашивали черт знает о чём! О тебе тоже, между прочим, справлялись, – кто такой, давно ли тебя знаю. Я ответил, что пусть об этом спрашивают у начальства и у тебя самого. Мы только напарники по работе и всё... Сам понимаешь, у меня здесь прописки пока нет. Живу-то я у жены...

– Да ладно, не заморачивайся. Что надо будет, сам скажу.

– Вот-вот, повесточку завтра утром тебе отдам. На полдесятого в районное отделение поедешь. Сказали, чтобы паспорт взял с собой.

– Во блин, нашли на свою голову подарок! Они-то что говорят?

– Да по ориентировке у них с неделю назад был объявлен розыск пропавшей девчонки. Я после подошел к стенду, где висят фото на розыск. Точно, есть там какая-то лет двенадцати, на Палехской жила...

Ночью Стасу плохо спалось. Он лежал на кровати с открытыми глазами и смотрел, как на противоположной стене комнаты, освещенной молочно-призрачным светом уличного фонаря, метались тени. Их было много. Они скрывались среди хаоса пляшущих по пестрым обоям пятен ветвей, таились в густоте узоров от тюлевых занавесей и лишь услужливым воображением угадывались в самых тёмных углах комнаты. И ото всех них, где слегка намеченным абрисом, а где едва видным светлым ореолом, тянулась к нему тонкая полудетская ручка с изломом боли в желтовато-прозрачных пальчиках.

Он вышел на кухню и, не зажигая света, встал у окна. Ночь шла по городу полновластно и неспешно. С чёрных, сплошь проткнутых тонкими спицами мерцающего света небес, она, достигая земли, растворялась в свете фонарей и отблесках морозного наста. Необъяснимое спокойствие царило вокруг. Даже лёгкие порывы ветра только подчёркивали это царское величие спящей природы. Стас подумал, что сегодня даже аварийных вызовов быть не должно, так гипнотически, с такой силой эта ночь покоила всё в себе...

Глава 2

Эпистема... От диспетчерской до рынка было рукой подать. Как назло, наступило обеденное время, особенно почитаемое среди рабочего люда. Рассчитывать на чью-либо помощь сейчас было равносильно взыванию к марсианам. Один плотник Митяй, с утра томившийся дурным самочувствием, отозвался на предложение Стаса сгонять по-быстрому через МКАД до рынка. Сговорившись с ним за пару литровых «джин-тоников» Стас рассчитывал вовремя обернуться за обеденный перерыв к бригадирской пятиминутке. Но порченная вчерашним застольем натура Митяя согласилась на это при условии разделения наградного куша на две половины: одна емкость сейчас, другая после возвращения. Скрепя сердце, Стас с болезненным Митяем на рысях добежал до ларька с горячительными напитками, благо, что тот был по пути. Там он отоварил истерзанного жуткой головной болью Митяя спасительным зельем. Едва литр оногo оказался в руках страдальца, тот взревел утробным придыхом. Не тратя драгоценное время на перевод дыхания, в мгновение высосал все до дна!

Отбросив ненужный полиэтилен в сторону, как отбрасывает, даже не заметив этого, отбойник стреляющую гильзу из автомата, Митяй выпрямился. Став даже выше ростом, он зыркнул на Стаса враз заблестевшим живой огненной искрой глазом и коротко бросил: «Погнали»!

Через пятнадцать минут самого борзого гона, на который только был способен Митяй, Стас уже переминался на рынке у намеченной палатки. Пока его «рабочая сила» приходила в себя, Стас отчаянно торговался за пару длинномеров из ДСП. Они срочно понадобились ему для изготовления долгожданных антресолей. По этому поводу жена, словно дятел, продолбила все мозги. Уже месяц как он скрипел зубами, выслушивая её гневные упрёки в чём-то там несостоятельном, не «мужчинском»! Но выбраться на рынок представляло для него исключительную проблему.

Стас при найме на работу в ДЭЗ был определён, как новичок, в ремонтную группу. От этой работы все старожилы-работяги бежали, как черт от ладана. Закавыка заключалась в том, что режим работы «аварийки» был строго привязан к внеурочным дежурствам. Все гадство заключалось в том, что работник оной группы обязан был сидеть, придя с работы, около телефона, ожидая случившейся где-нибудь аварийной ситуации.

И вот тогда, – полночь ли, полночь, – обязан он был, сердешный, сорваться в ту же минуту с полной сумкой инструментов и мчаться куда-нибудь за три квартала от дома. Обслуживаемый участок был обширен и в сантехническом отношении крайне изношен. Надеяться, что с вызовом при отлучке из дома пронесет, было, по незнанию специфики этого рода работы, чистым наивом. При всем этом доплата за внеурочные и выходные была издевательской. Так что парням, попавшим в ремгруппу, вся остальная братия сочувствовала, но ничем помочь не могла! Довершало беду то обстоятельство, что их ДЭЗ был частной конторой. Рабочие часы считались не подлежащим никаким усековениям, вроде отгулов, отпрашиваний у начальства и прочих житейских причин.

Вот так, промаявшись с месяц, изнемогая под градом упрёков жены, Стас пожертвовал своим перерывом, чтобы снять эту, изъевищую всю печёнку, проблему.

Что бывает в жизни каждого человека более или менее постоянным, так это высказывающие перед ним, как чёртик из шкатулки, всяческие напасти и неприятности. Никто не застрахован от них! Глупо и самонадеянно не принимать в расчёт главную линию в жизни каждого из нас, определяющую её с завидной регулярностью. Вот бы так преследовали человека удачи и успех, как эти гостинцы нечистого! Так нет же, всё наоборот! Эти незваные, непрошеные рогатые гости с сочувствующей миной на роже, а то и с откровенной ухмылкой, дарят вам свой презент из букета несчастий в самый неподходящий момент!

Пока Стас ждал выполнения заказа, подонок Митяй (именно так и орал в озлоблении Стас) где-то умудрился отыскать знакомую пьянь и довершил дело, так лихо начатое полчаса назад. Принятая им доза оказалась последней каплей, что валит с ног и не такие крепкие натуры! Невозможность поднять и, тем более, привести в чувство блаженно улыбающегося Митяя, через пять минут стала для Стаса очевидной! Время таяло, стремительно истекало! Стас, оставив свой товар в палатке до завтра, опрометью бросился назад...

...понятное дело, дни скорбей мало кто из страждущего населения относит даже к сомнительным заслугам своих жизненных перипетий. Разве что известный контингент слабоумных, садистов и братьев их – мазохистов, да божьих людишек, с остервенением бичующих тело! Они были всегда. Общество, лишённое такого сорта своих членов, выглядело бы, по меньшей мере, подозрительно! А куда это оно подевало их?! В советские времена, например, все были счастливы. Увидеть подобного уника, свободно вращающегося среди счастливого общества, было подобно лицемерию коровы о пяти ногах где-нибудь на Кутузовском проспекте. Для таких благое государство не жалело от щедрот своих. По мере надобности давало им кров и пищу, с увлечением перегибая палку в этом, как и, впрочем, во всём тогдашнем! Мало кому дом скорби покажется лучшей долей! Чудная была практика! Никаких тебе уника! И сумасшедших домов для всех хватало!..

Стас лениво переложил ноги и снова вытянулся на стуле. Его томило вынужденное ожидание возле кабинета начальника ДЭЗ'а. От этой обязаловки никак было не отвертеться. Поиски жилья вконец стали тяжкой головной болью, превратившись в почти неразрешимую проблему. А посему, едва он прослышал про возможность обрести желанные метры, как заячьим скоком оказался перед заветной дверью. Сокрытое за ней неведомое ему начальствующее лицо могло бы в одночасье решить его проблему. Но ожидание затягивалось до бесконечной величины, порождая в его голове такие же безразмерные и абстрактные мысли...

...Что-то много расплодилось в последнее время такого рода человечков, которых хлебом не корми, дай только последнее снять с себя, не пожалев и деток своих, оставив бедолаг без крова над головой. До такой степени этот люд одержим страстью разного рода спасения души пред вечностью, что блага мирские вместе с нажитым добром отбрасывает от себя как ничтожнейшую шелуху! И тут же возникают сострадательные люди, которые ради спасения сих страждущих, не давая пропасть более их имуществу, чем душе, взваливают на себя тяжкое бремя заботы о нажитом. Но почему так есть, можно догадаться, не мудрствуя лукаво...

Стас усмехнулся. Ему бы думать о своих проблемах, но в голову лезло все, что ему за последнее время пришлось перечитать и услышать из газет и по телевизору...

...Никто из переживших катаклизм развала страны СССР не имел и представления, что ждёт их тут же, за этим крутым виражом истории. Несчастный, наивный люд, не имевший ни в малейшей степени иммунитета против ящика Пандоры, который назывался капиталистическими отношениями. Во всём, начиная этим чёртовым бизнесом и кончая самыми тесными узами дружбы и семьи, на собственной шкуре он познал всю их прелесть!

Чёрт те что появилось тогда среди нас! Уж если только перечислять этих «сострадальцев», то одних сытых рож тёток, пронизывающими вас с телеэкранов глазами, этаких крепких мужичков с губками-бантиками, оловянным взглядом и с очень дружковскими фамилиями, вещающими оттуда же вселенские страсти, хватило бы на добрый месяц! Духовные мытари, шарлатаны всех мастей и родов деятельности, легионы аферистов, имя которым «экстрасенсы» и кучи политического гнуса вкупе с проходимцами-телеведущими, усмехаясь апарте, крепко потирая руки, принялись обрабатывать замороченное население красивой сказкой о труде и равноценном вознаграждении за него! Чего только они «веще не баяли», собирая таких же падких на злато любителей погуторить! И потекла рекой по всем телеканалам густопсовая лапша на уши нам, простофилям, именуемым ими российским народом!

И ходят теперь облапошенные страдалцы по Руси, уже не ввергая, как бывало раньше, в изумление своим видом сострадательный люд! Не то, чтобы очерствел народ душой, нет! И сейчас находятся доброхоты, и всё больше из интеллигенции, со слезой в голосе облегчающие порой рублём жизненную стезю стоящего перед ним несчастного! Думает интеллигент, что очистил свою душу сей лептой и, успокоенный, отпускает от себя с миром измождённого оборванца!

А ведь нет, господа хорошие! Не получится так отмазать грехи свои великие перед страной и народом! Была великая держава да сгинула! А всё потому, что те, у кого имелись ум, мозги, интеллект, называй, как хочешь, во время оно были ослеплены адскими лозунгами! Вползли эти слоганы, как змеи-искусители, подлой мыслью, гнилой, как прошлогодняя картошка, не убранная с поля. И с виду, как полагается, хороша и среди других неотличима, но давняи её и польется из нутра этого плода гниль мерзейшая, как плоть гниющая!

Закон энтропии ещё никто не отменял. Он также прекрасно действует и в социальных сферах. Многим приходила в голову простая мысль, что как трудно было создавать нашим предкам такую страну. Но как легко она исчезла под напором всего кучки стервецов, соблазненных лёгкой наживой! Не нашлось в стране никого, кто бы смог остановить это великое бедствие! Катастрофа, которая может случиться с остатками державы, будет похлеще апокалипсиса, если не спохватятся те, кто сидит на суку с пилой в руке!

Не дай бог всем нам проморгать ещё одну такую атаку, но теперь уже на саму державность исконной Руси. Дать разорвать её на части под видом устройства лучшего управления с учреждением разных там республик, типа буферной Среднесибирской, Дальневосточной и прочих осколочных территорий... Сволочи! Ведь следующая атака на Русь заморскими доброхотами будет преследовать именно эти цели, чтобы разобщить, смять и прибрать к рукам всё порознь, если уделат разом всю страну не удаётся!..

Стас машинально осмотрел с головы до ног медленно продефилировавшую мимо неплохо скроенную фигуру стройной блондинки. Та, прекрасно зная о своих чарах, поддала жару, раскачивая бедрами, и скрылась за углом...

...Чудна была пора совкового наива, когда в раже благостроительства не сумел бывший ставропольский комбайнёр распознать все хитрованские подходы забугорных искусителей. Да и что, право, пенять ему на это! Те и по опыту, и по крови своей родовитой были в политике. Знали они нутро человеческое до донца, до самого низа, не прикрытого альтруистической советской моралью!

Что там райский искуситель по сравнению с теми, кто посеял такие мысли в головах тех, кому положено думать ею! Яблочко-то, предложенное змеем, было хотя бы съедобно! А где же были вы, умудрённые знанием и опытом, когда всех вас скопом, даже не поодиночке, а гуртом, как скот, загнали на бойню и истребили весь ваш апломб, которым вы так кичились перед властью предержавными!

Вот и попались доморощенные интеллигентишки, все, как один, вместе со своим ставропольским головой! Не хватило им той малости, тех флюидов, которые надо впитывать с молоком матери, не полагаясь на рассуждения умников-дядек с их искусственными построениями о человеческих отношениях. Куда им, инфантильным, замороченным прекраснотушной сказкой о советском человеке, который друг, товарищ, брат всему остальному, страждущему под игом капитализма, народу Земли! Те, забугорные, крепко знали одно, – всё изменяемо и временно, кроме инстинктов крови и плоти! Можно пожертвовать жизнью ради идеи, можно претерпеть лишения и боль, но вечный незыблемый закон самосохранения взять и вынуть из человеческого естества невозможно!

И не одиночки-герои, идейные ратоборцы, были их целью! Нет! Обыкновенный советский человек, не сильно одержимый страстью помереть за светлое будущее чьего-то там отпрыска, ищущий простого счастья для себя и детей своих, – вот кто был целью и средством!..

Стас снова заерзал на стуле. Потом встал и заходил маятником по коридору, замеряя его как можно медленнее и монотоннее. Десять шагов туда, десять назад: «Господи, когда же она придет?!», – тяжким вздохом прервал он свои мыслительные экзерсисы. Но тут же снова погрузился в смесь раздражения, недовольства и нудных, назойливых размышлений...

...а эти деятели культуры и науки, смешавшие в одном помойном ведре нравственность и благосостояние одним только намерением как-то сравнить их, превратились в этакую идеологическую слизь, с которой и бороться-то не надо! Обтёр с подошвы и делов-то! Но тщились они, стараясь выдать забугорные мифы за правду земную, правду истинную, тем самым, выдавая свою несостоятельность с головой. Объясняя всё и вся, почему же так получилось, что три процента проходимцев разули и раздели остальное, просто-таки убийственное количество процентов населения, они, со стыдом оправдывая собственное слабоумие, только разводили руками: «Да кто ж его знал, что так будет...».

Но главное, что эти трёхпроцентники ни секунды не сомневались в законности своих действий по раздеванию ближнего. А как же! Рыночная экономика, господа! Ведь вы сами, умники-разумники интеллигентные, – и от политики, и творческая братия, – визжали в поросычем восторге, ратую с пеной на губах, за страну равных возможностей!

Чего ж было гробить ту страну, где население уверенно и с надеждой смотрело в будущее! И что с того, что только каких-то три процента, хоть и тайно, не афишируя свое житьё-бытьё, уже существовали при коммунизме! И что эта самая страна равных возможностей уже была у вас в руках, только бы приложить с умом то, что имели! Куда там! Вот и получилось, как в пословице: «Что имеем – не храним, а потерявши плачем!». Ведь для этого нужно было трудиться, а не болтать о засилии властей, узурпаторстве и цензуре! Чтобы понять всю дурь этой болтовни, нужно лишь взглянуть на северную Европу и всё станет понятно, кто работает, а кто в мутной воде лишь пузыри пускает! Создавать было надо истинно гуманитарные ценности, таких людей возвращать, облекая их властью, чтобы им было стыдно обворовывать страну, когда и так её всю им доверили! Вот чем заниматься надо было, а не орать на весь белый свет, какие сволочи мешают самым передовым сливкам интеллектуального общества глубокомысленно лепетать, в надежде, что их лепет сойдёт за великое и вечное! Вот фигня-то!

Что ж, недоумки, обзавидовались?! Так получайте же то, за что боролись! Голод, нищету беспросветную, правовой беспредел, самую отъявленную коррупцию и вселенский разухабистый криминал! А теперь сравните, стоило ли из-за кучки людей, способных на любое беспардонство, ломать и крушить, пусть и середнячковое, не блестящее уровнем жизни, но вместе с тем могучее государство?! Возможно ли было тогда при режиме, который и социалистическим назвать-то было затруднительно, найти три десятка беспризорных детей? Задача было просто немыслимой?! Возможно, что способные и талантливые не могли реализовать и высказать то, что им бы хотелось, как говорится, «от души»? Но, позвольте, господа!

Да когда же и кому было дозволено обделявать с макушки до пят дерьмом родимое государство в желании протолкнуть себя, любимого, в официальные гении! Во все времена и эпохи, во всех государствах при разных формах правления, неугодных, неудобных и инакомыслящих четвертовали, колесовали, сжигали на кострах, вздевали на кол, вешали, расстреливали, гильотинировали, сажали на электрический стул! И то, что случилось в нашем царстве-государстве, почему-то вызывает искреннее изумление всех, кто научился мало-мальски грамотно слагать вирши и правильно держаться за художественную кисть! Дескать, как же такое возможно в нашем просвещённом обществе строителей коммунизма?! А зачем-таким манером революции было делать, если не освободить народ от всяческого гнёта?! Свобода от всего и вся, и это даже не анархия! Эта материя похлеще будет! Боги перед богами, не меньше! Чтобы меня, самого избранного, завернули, закатали в одежки идеологические, – меня, либерала и свободлюбца!

А дело всего лишь упирается в декларируемые государством критерии общественного и государственного строя. Если уж в самом «демократическом» государстве мира самих президентов отстреливают как куропаток, чего уж говорить о нас, сопли утирающих рукавом! Нам и соседскую курицу иной раз жалко бывает топором рубануть! А то, что в лагерях пропали миллионы, – так это война за политическая за власть, за неё – сладкую и желанную! Кто считал погибших и пропавших в тех же Америках и прочих Европах с Азиями?! Там счёт таким пропавшим покруче будет! То-то же! Так всегда было и будет!

...Стас снова уселся на стул и потянулся, разминая занемевшую спину. Опустив голову на грудь, он опять погрузился в неуправляемый поток сознания, который, впрочем, уж что-то был слишком избирателен в отношении своего русла...

...Хотя те же три процента теперь уже в открытую стали миллиардерами, но сами то вы, либералы-демократы, теперь шарите, как городские собаки и крысы по помойкам, роняя слюни и выклянчивая подачку из рук олигархов-держиморд и их прихлебаев! Они, трёхпроцентники, всерьёз принимают только одну партию – финансовую, и плевали на все остальные фикции, как-то либеральные, демократические и прочие политические условности! Пока вы глотки грызли за право считаться каким-то там партийцем, они, не мешкая, выстроили себе уютные финансовые гнездышки-крепости. Науськивая нижележащую чернь друг на друга, спокойно властвуют в своих эмпиреях! Поделом вам, господа! (Хотя какие там господа, – так, голь перекатная, грязнозадая! Мне-то, слесарю-сантехнику, из подвалов гораздо виднее, чем всё ваше срамное обихожено!)...

Стаса не часто посещали подобные мысли, не говоря уж об обширных рассуждениях на эту тему. И что он мог, – работяга, слесарь-сантехник, понимать в умственной борьбе гигантов мысли всякой там политической, научной и культурной интеллигенции! Ему бы пробиться среди своих живоглотов! Но сейчас он, невольно погрузившись в поток сознания, вяло барахтался в этой неудобоваримой бесконечной и не имеющей ответа социальной каше. К чему все эти рассуждения, если там, в высших сферах, существовали и претворялись в жизнь иные расклады свершаемых событий. Наверняка то, как Стас представлял себе эти события, вызвали бы улыбку у любого посвящённого в тайны большой политики. Но! Стас ни на секунду не сомневался в том, что то, как он сам представлял их, было таким же зеркальным отражением его мыслей в умах всей остальной части многопроцентного населения, оставшегося в дураках!..

Сидя второй час перед дверью кабинета начальника ДЭЗ'а Харицкой, Стас всё больше и больше раскапывал в себе истинную добродетель смиренного христианина, о которой сейчас любят трубить на всех углах горлопаны от многочисленных партий. Уж чего-чего, а его терпения хватило бы в иные смутные времена на добрый монастырь со всей братией.

Как в горячечном бреду пролетели полтора десятка лет, когда он с женой, таскаясь по квартирам, вспоминал великий ветхозаветный поход библейского народа по пустыням египетским. Съезжая с очередной отремонтированной развалюхи, за что хозяин, плотоядно ухмыляясь довольной улыбкой, тут же, по окончании ремонта, милостиво просил освободить своё жильё в месячный срок, Стас, с замиранием сердца желал только одного, как бы тот не передумал!

Ибо попадались в его исходе по землям столичным и совсем уж мерзкие типы, вроде Виктора Павловича Якуша, что одним мановением руки в трёхдневный срок выбросил их со всем имуществом, объёмом на добрую двухкомнатную квартиру, в коридор, – к мусоропроводу. Пришли молодцы, закатали рукава, и оказался Стас со всей своей библиотекой и прочим скарбом у дверей лифта. И долго ещё ему будут помниться вылупленные, как у жареных карасей, глаза жильцов, изумленно вззирающие через случайно отворённые двери лифта на гигантский имущественный развал!

А как хорошо всё начиналось! Было приятно встретить очень интеллигентного человека, да что там, интеллигентного! Учёного, стоящего у самой тайное-тайных компьютерно-киберне-

тической науки, на что Виктор Павлович ненавязчиво намекнул при некотором, более тесном, общении! Правда, его заглаженный до лоска на лацканах кургузый пиджачок посеял было подспудное недоверие к его высокому положению в отечественной науке! Да и манера общения, несколько напоминавшая по замашкам завхозовскую в какой-нибудь ответственной конторе, внушала такие же сомнения в истинности его утверждений. Но жена, доверчивость которой не имела разумных границ, отговаривала Стаса от нетактичных мыслей в адрес их благодетеля! Как раз, к несчастью, это был тот самый случай, когда Стасу, всеми фибрами души претило оставаться джентльменом! Гремучая смесь самозащиты оскорблённого самолюбия и несправедливости по отношению к нему красной тряпкой смахнула остатки самообладания. Съезжая со своим скарбом на новое место жительства, он смог выкроить минутку. Поднявшись к злополучной квартире, Стас залил во все замочные скважины добротной металлической двери содержимое нескольких тюбиков клея «Момент».

Нет, Стасу не было стыдно! Эта акция, хотя она и не шла ни в какое сравнение с тем моральным унижением, стала для него неким знаковым поступком. За годы новомодного беспредела он навидался всякого. И он и жена жить хотели, как все, сейчас, сиюминутно, и не ждать, когда крепкий кирпичный дом по месту прописки Стаса сломают как «хрущевку». Домик-то был расположен совсем близко к новостройке «Москва-Сити». Слухи по этому поводу ходили самые горячие. Вот-вот снесут или надстроят это строение, так выгодно расположившееся к престижному месту напрочь выбивали из голов здравый смысл. В самой двухкомнатной квартире Стаса его бывшая благоверная яростно сопротивлялась перспективе совместного проживания с ним и иногородней женой.

Стас прекрасно знал истинные причины её абсолютного неприятия такой возможности. Женщина она была свободолюбивая и даже в годы совместного супружества неоднократно уличалась им в попытках расширить рамки своих отношений с противоположным полом. Ширококостная, с характерным маршевым шагом, – грудь вперёд, руки по швам – она недаром среди тесной приятельской компании получила кличку «солдафонша». И потому ей совсем не улыбалось ущемить свою свободу в общении с милым её сердцу мужским контингентом присутствием столь нежелательной помехи в лице бывшего мужа с какой-то там приبلудной, сожительницей.

Какие только прецеденты она ни обещала создать ему, даже в случае его одиночного проживания на своих законных метрах! Тут была и безудержная фантазия по поводу её избиений Стасом в пьяном виде, дай бог ей только учуять соответствующие пары от него! Впору Стасу, для проживания по месту прописки, нужно было становиться отъявленным трезвенником. Впрочем, при её изобретательности и поистине врожденной простонародной хитрованской жилке, она спокойно соорудила бы необходимые доказательства, будь он даже вообще без желудка.

А что стоили её усилия по отысканию в бывшем муженьке целого сонма пороков! В списке было всё: и приставания к малолетней дочери, (вот такой монстр был Стас!), и подделки документов, и кражи госимущества, и бесконечные измены, несмотря на то, что Стасу не то, что изменять, дышать было некогда, работая одновременно на трёх работах. Конечно, его, измождённого напряженными трудовыми сутками, можно было брать тёпленьким. Но, слава богу, вся местная власть, начиная с участкового и кончая начальником милиции вкупе с участковым судьёй, бегали от неё, как чёрт от ладана, заваленные её бесконечными письменными кляузами. Даже сам начальник милиции во время очередного randevu развёл руками и в качестве совета сказал: «Бежать тебе, парень, оттуда надо! Баба она, видать, стервозная, так что если взялась за тебя, подловит на фиге с маслом, и глазом не моргнёшь!»...

Натерпелся Стас от неё, намаялся, хаживая по присутственным местам, доказывая, что он не верблюд. В конце концов он оставил место морального избиения навсегда, перейдя по совету бывалого начальника к вечному скитанию по зимним и летним квартирам.

Но жить-то хотелось сейчас, немедленно! Стас с женой, понимая, что годы пролетают, как «скуренные сигареты», не могли удержаться от того, чтобы не приобретать некоторую мебель, утварь и десяток-другой книг в пополнение своей обширной библиотеки. Хотя всё это и доставляло им гигантские хлопоты и заботы при очередной смене жилья, но отказаться от имущества они не могли.

Привычная обстановка, которую они воспроизводили в мельчайших подробностях с предыдущей квартиры, давала им хоть какую-то возможность чувствовать себя на какое-то время устроенными, окружить себя, словно коконом, обжитым интерьером. Это рождало в них иллюзию одного и того же места обитания. А переезды, – ну, что ж, наверное, это была неизбежная яма судьбы, в которую, хочешь – не хочешь, а попадаешь в жизни с фатальной неизбежностью. Это был их крест, их искупление положенного процента жизненных тягостей.

Измотанная бесконечными переездами, неустроенностью, невозможностью найти работу из-за отсутствия регистрации, жена, впадая в истерику, никак не могла понять, почему муженёк мирится с таким положением. Он же устал ей доказывать, что квартира, где он прописан, не подлежит размену из-за невозможности разделить лицевой счёт. И маленькая кухня, и совмещённый санузел вкупе со смежными комнатами, словно насмешливым миражом в его мнимом обладании квадратными метрами и пропиской были отмечены штампом в паспорте. После нескольких попыток договориться с «солдафоншей» по-хорошему, после её издевательских отказов и неизбежных судебных дел, Стас смирился с потерей квартиры и больше никогда не разговаривал на эту тему. На все увещевания, ежедневные стенания жены он только, отмалчиваясь, мрачнел и вздыхал...

Несколько предпринятых попыток устроиться на работу за квартиру, хотя бы и служебную, непременно оканчивались полным фиаско, Особая начальственная порода руководителей, выведшаяся в последние годы, полностью отрицала эту возможность. Работа-работой, а спустя недельку-другую, когда Стас, досыта намаявшись с переездом, был, что называется, ещё «тёплым», налагаемая ими денежная мзда за возможность иметь такие метры, тяжким довеском висла на воротах. И никаких вариантов! Начальнички были, что называется в своём праве. Альтруизм, как понятие, был начисто чужд их руководящим умам. Суммы, запрашиваемые ими, приводили Стаса в состояние ступора. Остатков его разума едва хватало на то, чтобы, заверяя начальника-живоглота в скорой и непременно выплате мзды, срочно искать приемлемую по доходам квартиру и улепётывать на неё со всех ног.

Обстоятельства, снежным комом облепившие Стаса, в конце концов привели его к двери, перед которой он и сидел сейчас в томительном ожидании туманной перспективы обрести эти долгожданные квадратные метры жилплощади. Наведя справки, покрутившись с месяц по ЖЭК'ам и ДЭЗ'ам, Стас, наконец, выяснил, что здесь имеется искомая цель. Отбросив всякую щепетильность в отношении престижности и финансовой обеспеченности его будущей работы, он терпеливо ждал, когда же наконец освободится его будущий благодетель, вернее, благодетельница. Ибо Юлия Семёновна Харицкая, как он только что узнал от все той же прошедшей назад аппетитной блондинки, все это время находилась в своем кабинете.

По отзывам своих подчинённых Юлия Семеновна была начальником, держащим слово (народ зря болтать не будет!). А самое главное, у неё в хозяйстве имелись три-четыре заветных угла, которые она специально держала для вновь набранных на работу штатных единиц.

Наконец, дверь кабинета начальницы отворилась, оттуда рыбкой вынырнула какая-то женщина и шмыгнула в кабинет напротив. Стас встал и приоткрыл дверь:

– Можно?

Пухленькая, но плотно сбитая, женщина, сидевшая за столом, подняла голову и кратко спросила:

– По какому вопросу?

– На работу устроиться. Слесарем-сантехником...

– Прекрасно, очень хорошо! Нужны нам люди, очень нужны! Но я прежде хотела бы знать, вы специалист кадровый или как?

– Что как? – не понял вопроса Стас.

– Последнее время слишком много образовалось скороспелых сантехников. Проку от них никакого, один вред! Вот и приходится нам сначала выяснять, есть ли у человека опыт работы.

– Я последних пять лет работал слесарем-сантехником в учреждении. Нареканий не было.

– Ну что ж, книжка при вас?

Стас протянул Харицкой трудовую книжку и откинулся на спинку стула. Ему очень не хотелось упустить такой шанс. Цены на съёмные квартиры за последний год подскочили так, что само пребывание его в Москве оставалось под большим вопросом. Стаса бесило и то, что ему, родившемуся в этом городе и прожившему безвыездно всю свою жизнь, нет места в нём, тогда как наглая беспардонная орда иногородних пришельцев своим нашествием сотворила эту ситуацию. Вот и эта пухлолицая, без году неделя как в Москве, решает сейчас его участь. Она так держала в руках его трудовую книжку, что Стасу показалось, будто она и впрямь лапает ими его судьбу, олицетворённую в этих сброшюрованных листочках. Чего она там высматривала, одному богу известно. По прошествии долгих томительных минут, после энергичных мимических упражнений по вздыманию тонких ниточек бровей, она со вздохом протянула ему трудовую:

– Ладно, идите, оформляйтесь. Хм, посмотрим...

Что она этим хотела сказать, Стас не стал выяснять. Может быть, её насторожила его обширная, на большую часть трудовой книжки, деятельность на музыкально-художественном поприще, о чём авторитетно свидетельствовали сделанные записи. Они не больно стыковались с только что продекларированным госпожой начальницей подходом к подбору кадров. И уж совсем неуместным было бы сейчас озвучить своё желание стать обладателем каких-нибудь квадратных метров. Это её «хм, посмотрим...» как-то поубавило решимости обговорить условия найма, которой он был преисполнен ещё с десятков минут назад.

Чуя, что разговор на эту тему будет сейчас не очень уместен, он решил отложить его на ближайшие дни. Стас не стал вдаваться в подробности хмыканья Харицкой, а мигом очутился в указанной комнате, где его тут же оформила на работу словоохотливая кадровичка. От неё Стас узнал некоторые полезные для себя вещи. В частности, он косвенно получил в ответ на свой вопрос по поводу многозначительного хмыканья начальницы ДЭЗ'а.

Кадровый вопрос действительно был больным местом сего достойного учреждения из-за слишком малого вознаграждения за труд составляющих его штатных единиц. Кадровичка в ответ на замечание Стаса, почему же до сих пор ещё существует сие достопамятное учреждение, загадочно улыбнулась. Затем она произнесла только одно слово, но полное глубокого смысла: «Крутятся...».

Молодой опер небрежным жестом откинул паспорт на столешницу и спросил:

– Причина вашей смены работы, как вы говорите, был поиск служебной квартиры?

– Угу, – односложно ответил Стас. После получасовых пристрастных выяснений всех его квартирных перипетий он решил погасить пылкое рвение молодого опера односложным мычанием в ответ на все его вопросы.

Опер воззрился на Стаса:

– Понятно. И всё же хотелось бы уточнить одну деталь. Вы по профессии не являетесь слесарем-сантехником. Что вас заставило так резко сменить род занятий. Это и по деньгам не очень чтобы... и, вообще, – резкий поворот в жизни.

Стасу пришлось пояснить несколько пространным эллипсисом.

– Квартира нужна, а мы с женой за следующие сто сорок лет вряд ли сможем купить её на наши заработки.

Увидев на молодом симпатичном лице опера-лейтенанта заметно проявившееся недоумение, пояснил:

– Мы подсчитали, сколько времени нам потребуется, чтобы заработать на квартиру, если не есть, не пить и ни за что не платить.

– Хм, – ослабившись, принял шутку Стаса опер. – А по прямой вашей специальности не легче было бы решить ваши проблемы? Наверняка заработки там побольше?

– Это если пробиться на верхние этажи моей профессии, – грустно сказал Стас. – А так лучше и не рыпаться. Всё равно в подмастерьях останешься. Я своё время упустил... по обстоятельствам, а теперь всё бесполезно, – и возраст не тот, и волосатая лапа для меня вряд ли теперь найдется...

Опер понимающе вскинул брови и вздохнул:

– М-да! Ну, что ж, давайте по существу. Вы работаете с вашим напарником со дня приёма на работу?

– Верно, скоро месяц будет.

– Опишите мне его, что он за человек по привычкам, характеру, ну и что в нем, может, необычное есть?

– Виктор? Что же в нём необычного? – усмехнулся Стас. – Вот уж точно, типичный слесарь-сантехник. Разве только что потребляет алкоголя меньше, чем типаж.

– Хм! Что ж, тем лучше. Значит, от него меньше можно ожидать неординарных ситуаций. А как у него отношения с женой, в семье?

Стас понял, что перед ним сидит не просто следак, но опер-психолог. Зачем же иначе бы ему копаться в материях, столь далеких от расследуемого дела. И потому он ответил прямо и лаконично.

– Витя нормальный мужик и никаких отклонений в его сексуальном поведении я не заметил.

– Что, такой уж и праведник? – хитро усмехнулся лейтенант.

– Я не говорю, что праведник. Женщины его интересуют, но постольку-поскольку.

– Понятно. – Сделав паузу, он спросил: – Кто имеет возможность доступа к ключам от подвалов в диспетчерской?

– Только мы и, на случай тяжёлых авралов, слесари-квартирники для того, чтобы перекрыть стояки во время заливов квартир или замены саноборудования.

– Когда берутся ключи, это как-то фиксируется?

– Тот, кто берёт ключи, расписывается в журнале и проставляет время.

Опер, выбив пальцами по столу дробь, спросил:

– За то время, как вы работаете, сколько раз приходилось бывать в подвале этого дома?

– Два раза. Не больше. В журнале ведь всё отмечено.

– Вы всегда вдвоём дежурите или случается порознь выполнять какие-то работы в подвале?

– Да сплошь и рядом! Но ключи всё равно берём под расписку.

Следовательно, уткнув голову в какую-то распечатку, лежащую перед ним, вдруг спросил:

– Вот здесь, за этот месяц отмечены неоднократные посещения подвала слесарями по причине замены вентиля и полотенцесушилок. Всего семь раз. Ваши фамилии встречаются два раза.

– Ну, а я что говорю! – утвердительно кивнул Стас. – Остальные разы там были квартирники.

– Да-да, – в размышлении опять простучал пальцами опер. – А что вы можете сказать про остальных коллег, – вдруг спросил он.

Стас пожал плечами:

– Да что я про них могу сказать? Я работаю всего ничего. Видимся мы только на пяти-минутках в прорабской, да в обед, в слесарке, когда домой не уйду. Что тут можно сказать! Я не всех ещё даже знаю по именам.

– Не скажите, свежий взгляд может подметить то, на что у других глаз, что называется, замыливается. Слово какое необычное или поведение. Мало ли что в свежем общении покажется непривычным...

Стас отрицательно мотнул головой.

– Тут я пас.

Прикурив сигарету, опер заглотнул большую затяжку и поинтересовался:

– А всё-таки, не смогли бы вы припомнить что-либо этакое, что, по вашему мнению, было бы странным или неприятным для... – он покрутил пальцами в воздухе, – для нормального разговора или поведения?

– Смотря что называть странным, – извернулся Стас. Он понял, на что его подбивает опер. Выкладывать всю подноготную своих отношений с коллегами ему очень не хотелось. Он знал, что зацепи его опер за что-нибудь и станет он добровольным стукачом. Дело, видать, повисло, и следки сейчас раскручивают всех слесарей на полную катушку, пытаясь нащупать хоть какой-то след. «Не там ищут...», – подумал Стас и добавил вслух:

– Нет. Эти мужики не станут гадить там, где живут. Они все здешние. Не такие уж они примитивы.

Опер поморщился:

– Мы не поняли друг друга. Я имел в виду, что следует быть осторожным и выполнить свой гражданский долг. Тем более, что кое-кто из ваших слесарей в прошлом имел судимости. И, что самое интересное, как раз по статье, по которой открыто это дело. Вот так.

– Мне об этом ничего не известно, – сухо сказал Стас. – Я не завожу приятельских отношений ни с кем из них. Я вообще трудно схожусь с людьми. Тут, как бы я ни хотел, помочь вам ничем не смогу.

Задав ему ещё несколько вопросов на производственную тему, лейтенант вдруг спросил:

– Скажите, не могли бы вы припомнить, при вас никто из посторонних не заходил в подвал, я имею в виду, когда вы там работали. И если да, то кто?

Стас озадаченно свёл брови к переносице и спустя минуту ответил:

– Точно не скажу, но явных посторонних я не видел. К нам заходит бригадир, иногда Харицкая. Пожалуй, в моё присутствие больше никого я не видел.

Опер задумчиво качнул головой.

– А не случалось ли вам бывать в присутственных местах с ключами от подвала, – ну, там, в магазине, или в какой-нибудь компании?

– Нет, – ни минуты не задумываясь, отпарировал Стас, – не случалось.

Он сразу догадался, куда клонит следователь. По пьяни у них могли вытащить ключи, и пока напарники угощались даровой выпивкой, доброхоты сделали слепки и вернули ключи на место. Вариантов могло быть гораздо больше, как с ними, так и с другими слесарями, так что Стас сразу пресёк эти поползновения опера в адрес него и Виктора.

Опер задал ещё несколько вообще заумных вопросов и завершил свою беседу сакраментальным:

– Давайте повестку.

Сделав в ней росчерк, он протянул её Стасу и сказал:

– Я хотел бы вас попросить не уезжать никуда в ближайшую неделю. Вдруг понадобятся дополнительные сведения.

Стас кивнул головой и вышел. По дороге в контору, он вяло обмыслил разговор со следователем и пришёл к выводу о безнадёжности этого дела. Да к тому же, в голову лезли

другие, более насущные, думы. А потому, когда он вошел в бригадирскую, от его утреннего визита в милицию остался лишь осадок от бездарно потерянного времени. Протянув Макарычу повестку, Стас спросил:

– Может, я на обед сразу пойду. Скоро двенадцать.

– Ты сначала пойдешь в двести пятьдесят шестой. Там Виктор во втором подъезде ковш на двенадцатом этаже ремонтирует, – сухо приказал Макарыч. – Если он закончил, то можешь идти на обед. «Как бы не так», – усмехнулся Стас. – Витя и сам справится! Я ему в обед звякну, предупрежу, чтоб подтвердил».

Однако после обеда Макарыч и не вспомнил о своём распоряжении. Наскоро раздав заявки, он остался в бригадирской. Антонина, видя угрюмое лицо Макарыча, догадалась не лезть к нему с расспросами, а, сказав что-то малозначащее, потихоньку отбыла по своим делам.

Бригадир только что получил от Харицкой малоприятное распоряжение написать докладную о перерасходе утеплительного материала, который он и впрямь пустил по дешёвке на сторону, удружив знакомой бригаде грузинских шабашников. Чтобы ему знать пораньше о внеплановой хозяйской проверке! Так нет же, эта пухлозадая, зная о ней, ни словом с ним не обмолвилась!

Макарыч никак не мог войти в ту колею, которая вела бы без помех к осуществлению его планов. Почему-то всегда находилась причина, которая стреножила его, как коня на пастбищном просторе. Это фатальное невезение приводило его в отчаяние. Что же в нём такого особенного, что мешает быть как всем?! Он постоянно видел и слышал примеры удачливости и успеха, случавшиеся с другими, но с ним-то как? Почему?! Он теперь постоянно находился на взводе, нервничал по любому поводу и частенько срывался на подначальных ему слесарях! Те, видя с его стороны такое к ним отношение, считали Макарыча чуть ли не зверем, ищадием и тоже принимали меры предосторожности. Круговая порука в исполнении заявок подвигала их на исключительную изворотливость. «Черепу» было невдомёк, что при отгрузке того самого утеплителя слесаря отполовинили втихаря даровой товар и тут же пустили его налево!

Бригадир только глаза протирал, глядя на катастрофически усохшую кучу утеплителя при проверке. Но сказать в своё оправдание ничего не мог. Накладной, подписанной им, не существовало. Проникнуть же кому-либо постороннему в складское помещение было практически невозможно. Вот и выходило, что сам Макарыч, будто в сомнамбулическом сне, вручную перекантавав триста килограммов стекловаты, на следующее утро напрочь забыл об этом! По крайней мере, ничего толкового он не мог сказать по этому поводу сильно взволнованной сим вопиющим фактом Харицкой.

Будь он хотя бы не причастен к самовольному изъятию злополучных тюков, он бы стеной встал на свою защиту. Ничего не стоило отговариться самовольным употреблением ключей от склада кем-нибудь из слесарей! Но этого, к его великому прискорбию, не было! Макарыч понимал, что стоило только этим двум паршивцам вякнуть хотя бы слово о его негласном распоряжении, и он пропал!

Но паршивцы молчали! Им тоже было невыгодно продление истории с пропажей утеплителя. Харицкая, не добившись ни от кого никакого толку, нашла крайнего, то бишь, Макарыча. За недогляд материальных ценностей и халатность, она лишила его месячной зарплаты. Что это было совсем незаконно, знали все, но предпочли сделать вид «отсутствия всякого присутствия».

Через час Антонина, заглянув в комнату, увидела бригадира всё ещё сидевшего в той же позе, как и при её отбытии. Обозрев его потемневшее от дум лицо, осторожно прикрыла дверь.

Макарыч думал...

Глава 3

Эпистема... Сапоги на бегу хлябали, хлопали голенищами по щиколоткам с противным чваканьем раздавленного комка слизи. Стас чувствовал, что опаздывает вызывая неприлично. «Череп» накануне объявил, что будет проводить пятиминутку в полном «кворуме», за исключением тех, кто заранее предупредит его об уважительной причине своего отсутствия. В противном случае («Череп» даже с удовольствием осклабился от предвкушения предстоящего сообщения), весь рабочий состав ДЭЗ'а будет лишен премии за этот день.

Эта мера, по мнению руководства, должна была значительно поднять дисциплину в рядах вверенного ему коллектива. Слишком часто «Череп» стал замечать ситуации, когда вместо выполнения заявок исполнитель оной в наглую заколачивал «бабки» на халтуре! Причём халтура эта была чистой воды официальной заявкой, но только исполненной напарником из соседней диспетчерской! Хитроумная практика такой деятельности не раз приводила к грандиозным скандалам. Оскорбленные хозяева квартиры выясняли, что точно такой же ремонт был сделан у соседа в квартире напротив совершенно бесплатно!

Но на вопросы «Череп» кто делал им ремонт, хозяева только разводили руками. Мол, сантехник приходил, но из-за отсутствия какой-то нужной детали работать отказался. Он обещал прислать человека, который ее имеет, но за деталь ему нужно заплатить. Она очень дефицитная и дорого стоит. Собрав очередной «пятиминутный» форум, «Череп» впадал в бешенство, грозя уволить новоявленного «Афонию», как только до него доберётся!

Предаваясь таким мыслям, Стас мчался по кособокому извилистой тропинкой, срезая путь до МКАД. Катаясь в раздавищихся сапогах на отполированных до блеска кожаных стельках, он пытался совместить остойчивость своего вертикального положения с крутыми виражами замысловатой тропинки, выходящей по склону. Лучшее бы он снял эти позорища сапожеского рода и проделал весь путь босиком! Пусть щёбёнка и всё, что ни попало бы ему под ноги, изрезали и изорвали кожу на подошвах в куски до самых костей! Всё было бы лучше, чем то, что ждало его за железным бордюрным отбойником на другой стороне окружного кольца!

Дождавшись, когда неумолимый железный поток разношерстного транспорта немного поредет, Стас стремительно рванул через МКАД. В запале захолонувшего сердца от рвущейся ему навстречу ревущей массы машин, Стас едва успел перебежать широкую ленту асфальта. Сделав толчок неудобной ногой, он с разгона взлетел над почти метровой лентой заградительного бордюра... Потом Стас часто вспоминал этот, ни с чем не сравнимый, сухой звук лопающихся костей!

Неловко развернувшись в воздухе, Стас приземлился на усыпанный щебнем откос левой ногой. Нога в донельзя расхлестанном сапоге, наступив на мелкий камешек, неотвратимо поехала в сторону. Стас всей массой своего девяностокилограммового тела подмял её под себя! Сначала он не понял, что с таким звуком отдалось во всем теле! Опрокинувшись на спину, Стас недоуменно смотрел на левую ногу. Изогнутая под неестественным углом, она торчала под коленом как раз над укороченным голенищем сапога.

Едва до его сознания дошло случившееся, холодный пот, как из душа, окатил всё тело. Мгновенно взмокнув, Стас тотчас же понял весь трагизм его положения. Боли он пока не ощущал, и это дало ему надежду, что не всё ещё так плохо, как кажется. Он подумал, что, возможно, это какой-то вывих и стоит попробовать вправить его. Но, едва Стас начал приподнимать ногу, как режущая боль едва не вышибла его из сознания. Он отчетливо увидел, как его голеностоп вместе с сапогом тяжелым камнем остался лежать на земле. Там, где он ощущал в ноге пульсирующую опоясывающую ломоту, словно образовалось второе колено, только более острое, чем данное природой. Штанина не давала ему возможности понять,

в какой степени он получил перелом, но Стас ясно осознал, что его надежды на лучший исход отодвинулись в область абсурда!..

Он снова откинулся на спину, лихорадочно прикидывая, что ему сейчас делать?! В своём желании скостить изрядный кусок пути, Стас выбрал самое неудачное место. Никого из случайных прохожих ожидать здесь не приходилось. Вряд ли кто рискнёт проделать тот же рискованный трюк с перебежкой через дорогу в этом месте.

Стараясь как можно меньше напрягать сломанную ногу, Стас, опираясь на правый бок, медленно, сантиметр за сантиметром, пополз к шоссе. Чувствовал он себя всё хуже и хуже. Как ни старался он оберегать травмированную ногу, накапывающаяся боль все же отнимала у него силы. До дороги было всего метра четыре, но он затратил на них выстраданных полчаса. И только ему удалось добраться до обочины, едва он поднял руку, как ничком уткнулся в пыльный, пропахший бензином и нагретым асфальтом край дорожного полотна. Долго ли он так пролежал, сколько машин пронеслось мимо, он уже не узнал, как и не слышал шорох тормозящих около него шин...

– ...заявки на вас есть! Засор мусоропровода в двадцать шестом по Палехской. Только поторапливайтесь, оттуда все уже звонят, как подрезанные!

Варвара, неприязненно разглядывая напарников, бросила журнал на стойку.

– Расписывайтесь!

Виктор поднялся с кушетки и в два своих длинных шага покрыл комнату:

– Вечно у тебя всё срочно. Мы только что с коллектора. Дай вон человеку отдохнуть. Отдохнём и пойдём.

– Кому – ему? Чего ему отдыхать! Знаем таких летунов! Неделю здесь пообтирается, только его потом и видели! Понабирали тут всяких... Сантехнику гробят, а мы отдувайся перед жильцами за вас!

Варвара, неприязненно оглядывая Стаса, перекатывая по лицу, как каракатица, пунцовые пятна, закончила свою филиппику.

– Давай, давай, нечего здесь расслаживаться! Устали они! Вам бы только на сторону смотреть!

На Стаса вдруг накатило мерзкое ощущение вынутого из помойного контейнера вдрызг извоженного в отходах бомжа. «Скучно всё, господа... боже, как всё паскудно!».

Стас притушил остатки раздражения. Поднявшись, он кивнул Виктору:

– Я в раздевалку пойду, а то что-то тут сильно завоняло!

Виктор как-то испуганно взглянул на Стаса. Сунул ручку в карман, поспешно вытащил его в коридор.

– Ты что?! Это же самая склочная баба! Она же, если вцепится, то продыху от неё не будет. Замотает слежкой и доносами!

– Да чхать мне на неё!

– Это тебе чхать, а с ней Марина работает! Она и так ей капает на меня, – то твой пьяный сидел с Генкой, то на Ярославке с мужиками пьёт! – Виктор скроил мину на физиономии и потряс головой. – От этой сволочи всего можно ждать! Ты сам знаешь моё положение.

– Ну, а ты больше трясись! Тоже мне, нашёл начальницу! Расслабься, малость отдохнём и пойдём.

В раздевалке всё было так, будто они и не уходили из неё, – что неделю назад, что со вчерашнего дня. Единственное отличие от статики картины в раме «Слесаря на обеденном пере-рыве» была только её одушевлённость. «А мы вот сюда шаханём!». «Ну-ну, и получи по сусалам своей пешечке!». «Ничё, я и без неё тебе роги обломаю! Ещё шажок!». Виталий с Лехой всё так же самозабвенно резались в шахматы. В углу, притулившись к батарее, осоловело дремал теплолюбивый Оник, за полтора десятка лет так и не привыкший к московским моро-

зам. В другом углу, у небольшого столика, тихо сопел Анатолий Палыч, сосредоточенно выковыривая медную обмотку из раскуроченного электромотора. Никто из них даже не взглянул на вошедших мужиков. Виктор подмахнул под себя стул и подсел к играющим. Его азартная натура враз отреагировала на ситуацию на доске, и он на короткое время перестал существовать для остального мира. Стас усмехнулся. Только что плакался, и... – вот нашлась игрушка и высохли слёзы.

Он взял со стола смятую пачку газет. Но читать не хотелось. Криминал вперемежку с политическими дрызгами, которыми были переполнены страницы, был ему неинтересен. Он с тоской оглядел дымные прокуренные до лакового глянца, цвета старой олифы, стены комнаты отдыха. Без интереса Стас остановил свой взгляд на только что ввалившемся с мороза в комнату Иване. Его раскрасневшаяся на морозе физиономия, от природы и так красная, приобрела сейчас цвет варёной свеклы. Он кинул в угол свой фибровый чемоданчик и с ходу провозгласил:

– Ох, мать честная, холодно сегодня по крыше шастать! Мужики, кто там поближе, чайку организуйте!

Лёха, не отрываясь от шахматной доски, упредил остальных:

– Заварка твоя! А молодой пусть сбегает за водой.

Он даже не поднял головы, чтобы как-то обозначить ту личность, кого имел в виду. Молодым был у него Стас, как и все остальные, вновь принятые на работу, хотя по возрасту Лёха уступал им десяток-полтора годков. Стас не стал возражать. Он был только рад выскочить хоть на минуту, чтобы глотнуть свежего воздуха. Без Виктора идти на заявку не имело смысла – одному пробить многометровый засор мусоропровода было не под силу. Сидеть же в инструментальной, расположенной по соседству и проворонить напарника он не хотел, чтобы потом, глядя в его простодушно-наглые глаза, выслушивать «что, тот, мол, искал его, но не нашёл, а потому, чтобы не терять время, сбегал на халтуру!».

К тому же, Виктор умело использовал свое исключительное положение на участке. Имея возможность раздобыть весьма прибыльные «халтуры», он милостиво брал с собой Стаса. Ему, по его стажу, и оплата полагалась меньше, чем проработавшему здесь не один год другому слесарю. Дискриминация, откровенно беспардонная, была налицо. На это никто не возражал. Так здесь повелось, и Стас только был рад такому, пусть и небольшому, но приработку. И потому он, посылая про себя проклятия исходившим в сигаретном захлёбе мужикам, сидел в дымном чаду, терпя муки с обречённостью цепного раба.

Лёха, продув очередную партию, с раздражением задавив окурок в приспособленной под пепельницу полочке из-под унитаза, сопя, отошёл в угол. Там, накрыв голову газетой, забросил ноги на стул и застыл, разом превратившись в кучу тряпья, неотличимо похожей от наваленных рядом ватников и полущубков других слесарей. Когда Стас вернулся, Виктор уже сидел напротив Виталия и хмыкал:

– Садись, подвигай фигуры! Фору дам!

Виктор играл хорошо. Пользуясь этим, он ставил свои «халтуры» против инструментов и оснастки своих оппонентов. Но Витя был хитрован и ловко манипулировал своими шахматными возможностями. Иногда он намеренно ставил маловыгодные «халтуры» против дешёвой «выгоды». Проигрывая, он не скрывал своего великого огорчения по поводу «непрухи». Ловились на его удочку все, запоминая, что Витя игрок не фартовый. Потом, во время какого-либо праздничного междусобойчика, он, подведя разгорячённого сослуживца к доске, невинно просил сгонять партийку-другую, под интерес. И уж тут-то Витя, намеренно спаивавший свою шахматную жертву, объегоривал её на отменный куш, положим, в виде дорогущей «трещотки» для нарезки резьбы-двухдюймовки.

Стас не уловил момента, что случилось. Все как-то разом вдруг пришли в движение. Мигом исчезли шахматы со стола. Оник, Лёха-«прапор» и даже флегматичный Анатолий Пав-

лович приняли вид, про который любой из вошедших мог бы с полной уверенностью сказать, что эти люди только что отдали все силы тяжелой работе. Вся слесарная братия стала похожа на десантный отряд на марше в тылу противника.

– Что случилось? – недоумённо спросил Стас Виктора.

– «Череп» идёт... – лаконично ответил тот и предупредил: – Мы за пробойками пришли, если что. Пошли в слесарку...

Но не успел он договорить, как в комнату вошел Макарыч и сходу объявил:

– Вы двое, и Алексей срочно на Ярославку, двести тридцатый дом. В бойлере прорвало горячую магистральную. Я туда отправил ещё двоих ребят с другой диспетчерской, Быкова и Самохина. Они перекроют ее...

– И чего там мне делать, если Юрка-сварной уже там?! – набычившись, перебил Макарыча Лёха. – Шапками, что ли, закидывать трубу? Куда столько народу? Делать мне не хрен, – шляться по подвалам за компанию! И этих, – Лёха кивнул в сторону Стаса и Виктора, – за глаза хватит! У меня установка дверей...

Макарыч, уже привычный к Лёхиным эскападам, оборвал его:

– Что бы через пять минут все были там! В доме начальство какое-то живёт. Нам сверху позвонили.

Бурча про себя неразборчивые междометия, группа страдальцев бригадирского произвола неторопливо вывалилась из комнаты отдыха. По крайней мере, так выходило из бурчанья Лёхи. И совсем уж, чуть ли не ползком, разбрелась по рабочим местам за инструментами. Макарыч с каждым мгновением наливался гневом, отчего его фигура приобрела угрожающую монолитность очертаний. Виктор, заметив столь недружественную метаморфозу, быстро схватил сумку. Без своих обычных фокусов, вроде: «мне бы льна, Василий Макарыч? Я забегу на склад?..», подталкивая Стаса, боком протиснулся мимо бригадира и выскочил на улицу...

Дверь в подвал была уже открыта настежь. Из-под низкой притолоки плотной завесой вырывался густой пар. Было такое впечатление, что из подвала вырывается водопад. Но обрушивался он не вниз, а вверх, в небеса, также стремительно и шумно, как какая-нибудь Ниагара. Стас отметил про себя, если слышен шум такой силы, то в бойлерной творится сейчас чёрт те что! Витя покачал головой и хмыкнул:

– Чупиком там точно не обойдёшься! Манжету, видать, на стыке пробило!

В прямке, залив нижнюю ступеньку входа в подвал, источаясь душным горячим паром, плескалась тёмная, как растопленный асфальт, вода. Не без опаски шагнув в обдавшую сапоги тяжёлым теплом воду, Стас враз ощутил груз быстро набухающих сапог, будто на них налипло по килограмму свинцовых подмёток. Виктор, шедший впереди, низко пригнувшись, чтобы не попасть под струю горячего пара, не мешкая, скрылся в чёрном проёме двери. Стас, инстинктивно задержав дыхание, нырнул за ним. Он мгновенно почувствовал обжигающую лицо влажно-спёртую атмосферу аварии. Свет фонаря не проникал далее, чем на полметра. Не видя враз сгнувшегося в ней напарника, Стас двинулся вперёд мелкими скользящими шажками.

Выплывавшие из горячей тьмы низкие трубы воздухопроводов, нависали острыми кромками и углами над головой, грозя пробить её. Они немедленно исчезали из вида, едва тускло-желтое пятно фонарного света проползло дальше. Свист, густо замешанный на гулком обмолоте дробных ударов, был единственным ориентиром. Стас, осторожно перемещаясь по лабиринту подвального перехода, постепенно смог разглядеть впереди на блёкло-призрачном фоне смутные очертания нескольких фигур.

– Мужики, ну что? – пытаюсь переорать смесь адского грохота, свиста и долботни, вырывающейся из отверстой пасти трубы мощной струи воды. Она, рикошета от переплетения труб, плотным веером взлетала вверх. Там, встретив на пути воздуховод, с рёвом реактивного двигателя разбивалась в плотную удушающую субстанцию воды и пара. Ему никто не ответил.

По сосредоточенно-напряженным лицам ребят Стас понял, что дело гораздо серьезнее, чем предположения его бывшего напарника.

Витя не угадал. Стас только сейчас увидел масштабы аварии. Трубы, идущей к смесителю, не было! Из её жерла, словно отгрызенной чудовищной пастью, била могучая, в пять дюймов, струя кипятка. Она захватывала лихорадочно болтающийся под её напором полуметровый остаток, висящий на задвижке редуктора. Он колотил с размашистой амплитудой по бойлерному узлу так, что гулкие удары разносились по всему подвалу, уносясь наверх по этажам.

– Хреново дело, мужики! Сейчас эта дура отшибёт и трубу с холодной водой! – натужно прокричал Виктор. – Чего там Витька копается! Стас, иди к задвижке ко входу, – посмотри, чего он там застрял!

Стас, не раздумывая, выставив фонарик и расплескивая воду, ринулся назад. У стены, на вводе в дом трубы, он увидел Витьку-маленького, который, крутясь возле мощной задвижки напоминал большого чёрного таракана. Наваливаясь всем телом на отрезок полудюймовой трубы, он, матерясь, безуспешно пытался сдвинуть с места намертво прикипевший от времени маховик.

– Давай, наваливайся! – заорал Витька, увидев приближающегося Стаса. – Блин, веса не хватает! Враскачку надо, так не сдвинем!

Скользя по бетонному полу, мужики навалились на рычаг. Он медленно поддавался, скрипя и грозя смять четырехгранник центрального вала задвижки. От натуги у Стаса перехватило дыхание. Горячая влажная смесь, в которую превратился воздух, с трудом проникая в лёгкие, не приносила никакого облегчения. Рычаг, не выдерживая давления навалившихся мужиков, начал гнуться, но в этот момент вал задвижки поддался. Дрогнув, он начал медленно утапливаться вниз.

Через минуту мужики докрутили до упора. Жадно глотая перегретый влажный воздух, слесаря без сил опустились на трубопровод.

– Да-а, обстановочка не слабше, чем у нас была на подлодке во время аварии, – выдохнул Витька-маленький, – но там хоть всё на мази было, а здесь...

Он махнул рукой. Стас понял, что он имеет в виду и согласно кивнул головой:

– Эти задвижки не меняли, видно, со времени строительства дома...

– Не, их меняли, но только на такие же списанные. «Череп» новые не ставит, он их налево пускает...

Он не договорил, как из темноты прямо перед ними вынырнули Виктор и Лёха. Увидев сидящих ребят, с ходу заорали на два голоса:

– Ну, чё расселись, там хлещет всюю! Скоро по горло кипятка нальет! Сваримся, блин, заживо, крысам на корм!

– Чего орать! – взвился Витька-маленький. – Законтрили мы её до упора...

– Значит, не держит, паскуда!

Лёха пнул задвижку, попутно подняв фонтан горячих брызг!

– Ты чё, сдурел, что ли?

– С вами сдуреешь! Сидят, мотнёй трясут...

– Ори не ори, а «щёки» в задвижке не держат! Понятное дело! – оборвал его Виктор и с досадой сплюнул. – Надо на ЦТП отключать, так хрен что сделаешь!

– Да был я там, был! – Витька-маленький махнул рукой. – Главный инженер наотрез отказалась её перекрывать. Не то что на четыре часа три дома без горячей воды и отопления, говорит, не могу оставить, а и на полчаса даже!

– Что делать будем? – задал риторический вопрос Стас. – Скоро и точно кипятка здесь будет по горло. Тогда уже наверняка ничего не сделаем.

– Ладно, – скребанул затылок Виктор, – пошли заглушки везде по канализации выбивать. Вода хоть уйдёт.

– А задвижка? – ехидно спросил Лёха. – Чё с задвижкой будем делать?

– Задвижку разберём и поставим новые «щёки» – более задумчиво, чем утвердительно ответил Виктор.

– От те раз! Ну, мужик, ты совсем офонарел! – язвительно проорал Алексей. – Там же кипяток! Забыл?

Лёха ткнул рукой в сторону задвижки:

– «Щёки» прикипели намертво! Их голыми руками хрен с два достанешь! Это ж по локоть туда лезть надо! Может, у тебя они чугунные или казенные?

– Ладно, там посмотрим! Сначала вытащим заглушки...

Мужики, как болотные цапли, высоко поднимая ноги, чтобы не набрать подступившей к обреза голенищ горячей воды, разбрелись по подвалу, каждый по своим секциям. Стасу почему-то страстно захотелось, чтобы это всё: и потоп, стремительно захлёстывающий горячей водой, задавленный беспросветным мраком подвал, и тягучий забивающий бронхи влажный смог, рёв и свист, вперемежку с беспорядочным металлическим лязгом бьющейся в лихорадочной пляске трубы, словно надтреснутый колокол, возвещающий последние мгновения перед Апокалипсисом, – чтобы всё это обернулось дурным сном!..

Степан Макарыч вздрогнул от резанувшего уши телефонного звонка. Он противным нервическим импульсом прокатился по телу, оставив в нем ощущение беспомощной, боязливой поднадзорности. «Тю, пропасть! Совсем нервы ни к чёрту!». Бригадир схватился за трубку:

– Слушаю.

– Лепилина можно?

– Можно. Слушаю вас.

– Здравствуйте, это из РОВД, старший оперуполномоченный Стариков. Мне нужно с вами побеседовать...

– А, понятно! – оборвал словесный официоз следователя. – Вы по делу о расчлененке, что ли? Когда мне подъехать? Я сейчас свободен.

– Вот и отлично. Я жду вас в комнате номер десять.

– Хорошо, сейчас буду.

Он бросил трубку и подумал, что неплохо бы и вправду просто размяться, чтобы хоть как-то отвлечься от обложных проблем. Тем более, можно воспользоваться удобным случаем, чтобы заскочить под вечер в одно место, где его ждал отличный «левак» в виде полмашины уголка. Из суммы, которая была выделена для его приобретения на базе, Макарыч рассчитывал при помощи нехитрой комбинации скостить из неё чуть ли не половину.

Накануне он побывал на базе. Его приятно удивил сервис тамошних ребят. Парочка весьма колоритнейших личностей, перехватив его у дверей конторы, отвели в сторону. Дав понять, что если он согласится на вариант сделки, который ему тут же популярно изложили, то в накладе никто не окажется. Мало того, в результате её им всем даже будет счастье в виде отслуживленных небольших, но приятных сумм из официально выданной исходной. К наименее приятнейшей для обеих сторон сделке они, взяв задаток в виде половины выданных ему купюр, скоренько договорились о месте и часе завершающего этапа и на том расстались.

Всё сегодня так удачно складывалось, что Макарыч даже подумал о вмешательстве высших сил, вдруг решивших ему покровительствовать. И этот звонок из милиции, как раз ко времени. Не надо утрясать с Харицкой незапланированную отлучку с работы. Да и авария случилась не впритык к нужному часу. Хм! В общем, то, что доктор прописал! Мужики сами справятся, надо только зайти к ним. Пострадать немного. Этих пасюков вечно надо контро-

ликовать, так хоть сегодня пусть поварятся в аварийной каше сами. Привыкли, что я торчу с ними!

Макарыч ткнулся в дверь кабинета Харицкой. Она оказалась заперта. Чертыхнувшись, он заглянул в отдел кадров и попросил Нину Фёдоровну предупредить Харицкую, что он ушёл в отделение милиции. Он было совсем уже собрался идти на аварию, как вдруг передумал. «Да что это я? Мало я с ними нянчусь! Если заперют, отведу душу по полной! Этот „прапор“ недоделанный достал, ети его мать!.. Вояки списанные, интеллигенты сраные, а этот Сашок, дебил долбнутый, – поработай с такими!.. Остальная шушера не лучше!.. Откуда только их не приносит! Ни одного стоящего слесаря! Вот времечко настало, кто только в слесаря не прёт!.. В Союзе такое и представить было нельзя! Пока ремеслуху не кончишь, да пару лет не оттрубишь под присмотром мастера, нечего было и думать, чтобы пойти на участок самостоятельно!.. Старые мастера разбежались... как тараканы по тёплым местечкам, а эти-и!.. Ох-хо-хо...».

Горькие, невесёлые мысли, как ржа разъедавшие душу, всю дорогу точили Макарыча, пока он не очутился перед входом в отделение милиции. Поднявшись на второй этаж, он стукнул в дверь. Услыхав приглашение войти, Макарыч выдохнул из себя воздух, как будто очищая голову от тяжких дум, и вошёл.

Следователь захлопнул лежавшую перед ним папку и жестом пригласил его присесть:

– Степан Макарыч, мне нужно уточнить некоторые детали вот этого документа.

Он протянул Макарычу листок бумаги, который оказался его докладной месячной давности. В ней Лепилин доводил до сведения начальства, что им были обнаружены в подвале двести пятьдесят шестого дома корпус два посторонних лица. Этими посторонними оказались школьники из соседней школы, которые проникли в подвал при помощи самодельного ключа. Парни, видно, не раз пользовались подвалом. На это указывали некоторые удобства, которые в одночасье не появляются. Топчан с наваленным на него тряпьем, столик из картонных коробок ясно говорили, что парни собрались обосноваться здесь надолго и с комфортом. Макарыч, отобрав у них ключ, вытурил огрызающихся пацанов вон.

Степан Макарыч бегло взглянув на докладную, протянул её назад.

– Это моя докладная. Там я всё изложил. Какие тут могут быть вопросы?

Макарыч вдруг занервничал, опасаясь, что застрянет здесь надолго. Но следователь, будто прочитав его мысли, сказал:

– Мне хотелось бы уточнить только один момент. Вы никого из них не сможете припомнить, – раньше видели или кто-то из них вам знаком?

Макарыч отрицательно покачал головой и сказал:

– Там темновато было. Наверх я с ними не ходил, так что ничего не могу сказать.

Следователь взял ещё один листок и, взглянув на него, спросил снова:

– А такая фамилия вам не знакома, – Курков?

Макарыч не долго думал.

– Работает у нас Иван Курков, слесарем-сантехником на первой диспетчерской. На Абакумова, значит.

– Ясно! Ну, что ж, хорошо. Значит, ребят вы припомнить не можете. Ну, а узнать в лицо кого-нибудь сможете?

– Наверно, если покажут! Точно! – Макарыч вдруг осенённо вскинул палец. – Вроде, там один из них был, лицом – ну вылитый Иван!

– Вы не ошибаетесь?

– Да нет! У Ивана, точно, сын учится в девятом. А что, – с недоумённым подозрением спросил Макарыч, – неужели он того... замешан? Что-то не верится. Уж больно садистское изуверство сотворили с девочкой! Не по-пацаньи это, кишка у них тонка!

– Мы разрабатываем все возможные версии, вплоть до абсурдных. Такова уж специфика нашей работы. Пока ничего определённого нет, по делу пройдут все, кто хоть как-то относится

к нему. Так что, возможно, нам придется ещё раз побеспокоить вас. А на сегодня всё. Вам повестка нужна?

– Нет. Руководство в курсе, где я. До свидания.

Когда за Лепилиным закрылась дверь, Стариков взялся за телефонную трубку:

– Олег, всё подтвердилось... бригадир из ДЭЗ'а сказал, что такой у них работает... Ну и что? Мало ли как она у него оказалась... Я тебе говорю... Это ничего не доказывает!.. Хорошо, тогда я сейчас в школу... А мне кажется! Уж больно расчленёнка непрофессионально проделана... Пока!

Стариков посидел ещё пару минут, размышляя о чём-то. Затем, уложив в папку документы, спрятал их в сейф, оделся и вышел.

Вода уже не прибывала, но оставалась стоять на прежнем уровне.

– И то хорошо!.. – проматерил конец своей фразы Лёха. Все четверо, собравшись у сдохшей задвижки, мучились вопросом, – что же с ней делать?

Ситуация торопила и от этого обстановка постепенно приобретала характер катастрофы. Затопленный подвал четырёхподъездной высотки уже сравнялся по своему составу атмосферы с нижележащей толщей воды. Обжигающая влажная взвесь набирала плотность с каждой минутой.

Стас под своей рубахой был мокрый, как застигнутая в мышеловке мышь. Все они телогрейки давно скинули. С лица мужиков потоками стекала смешанная с солёным потом жижа. «Самый наихудший вариант сауны, какой только можно придумать!», – проволоклась, словно патока, во взопревшем мозгу Стаса мысль.

Развинченная и разобранный на части задвижка лежала рядом на коробе, а слесаря, с опаской смотрели в чёрный провал её корпуса. Там, отливающий свинцовым блеском при свете фонаря стремительно несся стержень горячей струи.

– Ну, что? Как будем доставать «щёки»? – саркастически спросил Лёха. И, ни от кого не дожидаясь ответа, сказал:

– По очереди. Сунул руку, схватил, вытащил. Не успел, – очередь следующего. И так, пока не вытащим, понятно?

Бывший «прапор» в критической ситуации вспомнил свои армейские навыки отдавать приказы, а потому категоричность его слов никем не была оспорена. Но Виктор, не желая идти ни у кого на поводу, уточнил:

– Вот с тебя и начнём!

Лёха зыркнул на него, но ничего не сказав, нагнулся над задвижкой:

– Эти его мать всё это! Хорошо, я первый полезу! А вы, мужики, найдите какую-нибудь ёмкость и наберите в неё водички похолоднее. Ну-ка, дай мне асбестовую тряпку из сумки!

Последнее было обращено к Стасу, но он не стал сейчас становиться в позу от приказной безапелляционности Лёхи. Молча порывшись во внутренностях его брезентовой торбы, вытащил кусок асбестового полотна, который Лёха использовал как изолирующую прокладку во время сварочных работ.

Замотав всю руку до локтя и оставив только кончики пальцев, Лёха проверил их на свободу движений, пошевелив ими. Потом, как-то утробно ухнув, обрушил свою руку в залитое семидесятиградусной водой чрево корпуса задвижки.

Секунд пятнадцать он оставался там, затем выдернув её, тут же погрузил по локоть в бумажный мешок из-под цемента, наполненный до краёв холодной водой. Пока Виктор со Стасом держали мешок, Лёха, морщась от боли, выдохнул:

– «Щёки» на самом дне валяются! Еле одну ухватил, но не удержал. Они ещё горячее, блин, чем вода!

Виктор, ни слова не говоря, передав мешок Витьке-маленькому, снял с руки Лёхи асбест. Примо́тав его к руке, сказал:

– Тащите мешок поближе к задвижке.

Он сунул руку в придвинутый мешок и с минуту держал её там. Потом, примерившись, выдернул её из мешка и точно также, как и Алексей, с размаху погрузил в задвижку. «У, бя!», – скрипнув зубами, резюмировал он своё пребывание в кипятке. Через несколько секунд выдернул руку с зажатой в неё «щёкой». Выронив железку, Виктор стремительно засунул руку в холодную воду и протяжно отдуваясь, содрал асбестовую тряпку.

Протянув её Стасу, он сказал:

– Делай также, и всё будет в норме. Вторую затащило чуть-чуть в трубу по ходу, но ухватить её можно сразу же. Не зевай!

Когда рука Стаса оказалась внутри задвижки, ему показалось, что по его руке разом прошла огненная волна. Сразу же запульсировавшие пальцы потеряли чувствительность. Только какими-то остатками осязания Стас, наткнувшись на тяжёлую латунную «щёку» смог ухватить её. Собрав последние остатки воли, он вырвал руку из адского котла. Вырвавшись из пальцев, «щёка» исчезла во тьме плещущейся внизу воды. Через мгновение Стас, сорвав тряпку с погруженной в холодную воду руки, стал нянчить её, словно младенца.

Пока удалая тройка, словно сказочный Иван, окунали в купели свои руки, Витя-маленький споро приладил на шток новые «щёки». Собрав задвижку, он перекрыл воду.

Тишина резко ударила по ушам. Было только слышно где-то в тёмной глубине подвала журчанье стекающей воды. Мужики. ошалело поводили головами. Ставив с себя всю одежду, они принялись отжимать насквозь мокрое одеяние.

– Лёшь, у тебя курево есть? – спросил с раздражением Виктор, отшвыривая от себя пачку сигарет. – От моих каша осталась.

– А не надо было держать их в кармане! – съехидничал он. – Учи вас всё! У меня в сумке посмотри, там, в полиэтилене...

Закурив по очереди, все расселись на коробе, поджидая, пока высохнет одежда, разложенная на трубах с горячей водой. Нечего было и думать, чтобы в такой мокрети высунуться на улицу. Все равно, пока Юрка, ушедший за сваркой, не объявился, делать было нечего.

Витя-маленький, вздохнув, спросил:

– Мужики, я пойду, как одежда подсохнет? Мне сегодня по повестке в отделение надо ещё!

– Какая там повестка! – обозлился Лёха. – У «Черепы» отпрашивайся, а мы тебе не начальство! Сиди, пока не придёт!

Но Виктор и Стас в один голос отбрили Лёхин наскок:

– Конечно, иди! Чё здесь тебе уже делать! Одна сварка осталась! Лёха с Юркой сами управятся, мы тоже с тобой двинем, как подсохнем. Ты что, по этому делу пойдёшь?

– Да по какому же? И навёл же вас хрен собачий на этот мешок! Теперь они меня задолбают!

– Тебя-то чего?

– Да то и чего, что последыши имею.

– Какие-такие последыши?

– Такие! Статью по этому делу.

– А, так это на тебя мне мент намекал. И чего там у тебя было?

– Если бы было! А то по-пьяни одну давалку опробовали. Так ей что-то не понравилось, она маляву и накатала в ментовку на всех пятерых.

– И что?

Витя горестно вздохнул:

– А то, что припаяли мне пятерик с довеском.

– Что за довесок?

– А довесок от этой блядины. Наградила она меня ядрёнейшим сифилисом. Два месяца я на зоне кололся как последний доходяга-наркоман.

Лёхино ржанье тут же выявило всю комичность эпизода из жизни Витьки-маленького:

– Ни хрена себе! Как же это ты так оплошал?

– Да вот так! – Витя горестно вздохнул. – Всю жизнь мне эта тухлятина проститутская поломала. За всех мужиков все на меня повесила, а на остальных заявления забрала. Так что я на полную катушку и прогулялся в зону! Э-хе-хе... Ну, ничего, ей тоже сейчас кое-что наскипидарили!

И мужики, задумчиво пыхнув сигаретами, погрузились в молчание.

Дождавшись Юрку, они всё же вместе смонтировали оборудование. Приварив трубу и, открыв задвижку, они с тайным удовлетворением слушали, как засвистели жиклёры в редукторе, как с бешеным напором помчалась вода, заполняя пустые стояки. Мокрый, усталый до дрожи в коленках, с саднившей рукой, Стас шёл домой без единой мысли в голове. Только злобно урчавший желудок напоминал ему, что он ещё живой, а не высосанный тьмой и жарким душным маревом подвала бесплотный призрак.

Глава 4

Эпистема... Пришел он в себя, когда почувствовал, что его тормозит: «Эй, мужик, ты чего?! Что с тобой?..». Стас открыл глаза. В полуметре от себя увидел кроссовки с джинсами, а сзади них шины роскошной иномарки. Повернув голову, Стас обнаружил, что лежит на обочине дороги. Присевший рядом молодой парень обеспокоенно взглядывался в его лицо.

– Ну, оклемался? Что случилось? Машина сбила, что ли?

Стас ответил не сразу, пытаясь понять, почему он здесь лежит. Он попытался подняться, но резкая боль снова опрокинула его на спину. Стас всё вспомнил. Хрипло, сквозь зубы, пытаясь не стонать, сказал:

– Нога, левая... Задери штанину, посмотри... что там... только осторожно, больно очень...

Едва парень обнажил ногу чуть выше голенища и присвистнул. Аккуратно натянув штанину назад, покачал головой:

– Ну, мужик, ты и влип! Кость под коленом торчит! Как это ты умудрился? Тебе в больницу срочно надо, по Ярославке как раз через пятнадцать минут будет Склиф. Надо как-то тебе встать и залезть в машину...

После невероятных усилий, ежесекундно обливаясь то холодным, то горячим потом, Стас разместился на сиденье. Парень, придерживая вихляющую часть его ноги, сочувственно хлопотал около него. Рванув по трассе, они уже через двадцать минут въезжали в ворота института скорой помощи им. Склифосовского. А ещё через несколько минут, передав Стаса в руки хмурого неласкового санитаря, его бескорыстный спаситель, пожелав скорейшего выздоровления, умчался прочь.

Только потом, лёжа на больничной койке, Стас корил себя, что не взял номер телефона этого парня. С момента его падения и до того, когда он, открыв глаза, узрел над собой участливое лицо парня, прошло ни много, ни мало полтора часа!

Никто, ни одна христианская душа даже и не помыслила о том, чтобы остановиться и узнать, что же за человек лежит на обочине в метре от них! И, что совсем уж немислимо по нашим временам, остановиться и оказать помощь страдальцу! Тем более удивителен и благороден был поступок молодого парня, не убоявшегося ни следственных расспросов в случае обнаружения мёртвого тела, ни многочисленных хлопот с живым, ни оторванного от дела времени. В голове Стаса тяжёлым комом заворачивалась тоскливая дума, странным образом обобщив личное с большой занозой в многострадальном теле Отечества.

Сколько таких бедолаг валяется на обочине жизни! Протяни только руку и выправится их жизнь этим малым усилием сострадательной души! Ничего не стоила бы многим такая помощь, но ведь для этого надобна особая струна в душе. Она не появляется ниоткуда, её пестуют, лелеют с младых лет добросердечные родители, гуманное общество да верные друзья.

Стас только представил себе этот фантастический вариант существования такой жизни, как его покорило и передёрнуло, словно от чудовищной оскомины! Что это его так! Неужто он, закалённый полуторадесятилетней облавой на его права и смысл жизни, смог такое даже вообразить! Все эти годы он постоянно слышал громовый рык в неистовом раже катившийся по стране: «Ату их!». Как огромное оголтелое стадо неистовых зверей, сорванный этим рыком ополоумевший народ, в желании урвать хоть частицу, хоть кроху любым способом в погоне за миражами богатства, стремительно терял всё, что делало человека человеком!..

Он закрыл глаза. В темноте было лучше, ибо видеть то, что сейчас сутками торчало перед глазами, приводило его в паническое состояние бессилия и тоски. Всё пошло прахом!

Столько времени провести в дерьме и вонючей грязи, слушая примитивы маниакальных рассуждений окружающей его братвы. Изю дня в день бездарно убивать свою энергию и силу в бессмысленной сутолоке сантехнической возни, а в результате оказаться на больничной койке! И это вместо возделенных квадратных метров жилой площади! Что ж! Поделом ему, суетному недоумку, тивившемуся съестъ каравай, да не понюхавшему даже его!.. Впору пример брать с клопа! Укусил, где сидишь, отсосал порцию и скачи прочь! А что разные прочие, ненужные да сиюминутные людишки от тебя требуют, – так это твоя беда, что не умеешь вовремя показать им убедительный кукиш!..

Утром Стас шёл привычной дорогой через сквер. Со смешанным чувством мистики и удивления он вглядывался в то, что глаза услужливо преподносили ему. В полусумраке раннего утра дома на едва высветлившемся небе только угадывались своими контурами. И валы снега по краям дорожки, будто светящиеся изнутри, и осеребрённые толстым слоем инея ветви деревьев, мерцающие мириадами искр в свете фонарей, превратились в декорацию фантастической пьесы. Чувство реальности напрочь покинуло его. Стасу вдруг показалось, что вся эта искрящаяся феерия бликов и огней, рассыпанных вокруг, есть только продолжение его сна. Было так тихо, что даже вороны, непременно оглашающие своим гвалтом каждое утро, сегодня молчали, будто онемели от накрывшей всё вокруг вселенской тишины.

Шаги Стаса, скрадывавшиеся пуховым ковром снега, превращали его движение в подобие полёта. Не было привычной опоры, исчез скрип снегового покрова, будто кто-то, не скупясь, засыпал всё легчайшей взвесью. Люди неспешно выплывали из тьмы ему навстречу и также неслышно растворялись в ней. И было в это утро столько тишины и счастья вокруг него, что ему вдруг почудилось, как в этот миг природа упокоила в себе все людские горести, заботы, проблемы и умиротворила страсти! Стас ощутил в себе давно забытое блаженное чувство душевного восторга. Он сейчас чувствовал невозможность существования злой силы, щитом красоты от которой природа заслонила в это утро его самого и всех людей – с нынешнего часа и до века грядущих дней!..

В бригадирскую, куда также, как и Стас, проникнувшись мощным покоем и красотой снежного утра, сходились люди и тихо рассаживались по местам. В отличие от повседневной обычности наступающего рабочего дня им тоже не хотелось обмануться сегодняшним утром в поселившейся в душе тихой радости и покое.

О, боже! Как обманчивы бывают чувства одного человека, пытающегося распространить их на всех ближних своих! Его душевный подъём и сила эмоций разбиваются вдрызг о яростную волну гнева и попранного достоинства другой оскорблённой души! Как верно, как правильно люди говорят: «чужая душа – потёмки!». Собравшимся в то утро в бригадирской ничего не подозревающим людям, настроенным в единую общность камертоном красоты и гармонии, в одночасье, с ужасающей силой уготовано было познать диссонанс меж их настроением и ощущением поверженного в ничтожность человеческого самолюбия!

Макарыч вошёл в комнату олицетворением зла и отрицания справедливости в этом мире! Он был непривычно бледен. На его лице, в горящих тёмным огнём зрачках, погруженных в красные, воспаленные белки, отражалась демоническая сила страсти, сжигающая его изнутри. Что ему сейчас была вся неземная красота, сотворённая щедрой божественной дланью! Степан Макарыч был потрясён до самых потайных уголков своей души иным чувством! Мести, кары небесной жаждала эта душа! Но, не найдя достойной сатисфакции, пропадала от не находящей достойного выхода яростной силы!

Он плохо понимал, что творится вокруг. Зачем его тормозят эти назойливые, чего-то требующие от него люди! Видимо, Макарыч что-то сказал им, потому что тут же почувствовал вокруг себя вакуум и тишину. Он повёл вокруг себя очами и понял, что остался в комнате один...

Опустившись на стул, Макарыч отлил воды из графина и залпом выпил её! Внутри бушевал пожар! Но не дано было залить этот пожар какой-то водой! Его можно было унять лишь немалой мерой той жидкости, которой люди испокон веков привыкли смывать нестерпимые обиды! Он жаждал крови! Опустив голову на руки, и раскачиваясь всем телом, Степан Макарыч застонал, заскрипел зубами от невыразимого горя!

Ничто вчерашним днём не указало ему на грядущее несчастье! Прибей его кирпич, свалившийся на голову, свали его злая хворь в единый миг, Макарыч был бы менее огорчён этими обстоятельствами равнодушной судьбы, чем той страшной бедой, которой она так его покарала! За что?!

А ведь несчастного Макарыча предупреждали, пытаясь уберечь от подлых вывертов его доли! Мелкий тоненький голосок шептал ему в ухо комариным писком: «Хозяин, послушайся меня, твоего внутреннего голоса! Худо дело здесь, чую я!...». Но куда там было услышать этот голосок здравого смысла. Задавленный мощной голосиной скорой и лёгкой поживы, пропал он под напором её аргументов: «Нишкни, придурь малохольная! Вечно тебе встравать в дела хозяйские, лишая его такого прибыльного куша!». Задурила, запудрила напрочь Макарычу мозги эта сволочная бестия!

Как всё шло вчера хорошо: и время у него образовалось, чтобы подъехать на место рандеву, и мужички, доставившие товар к месту вовремя, понравились ему сразу же, – не скупясь, обмыли сделку первоклассным коньячком с подобающим закусоном! А что касемо товара, так он сам его проверил. Всё честь по чести, все полторы тонны туго связанного в пакет уголка приятно грели сердце не меньше, чем коньячок и полноценный денежный приварок!

Расстались они чуть ли не с поцелуями, как и повелось на Руси меж удачливых и честных купцов. Отдал им Макарыч остаток положенной оплаты и повёз драгоценный груз к себе на склад.

К четырём часам, ещё засветло, въехал Макарыч во двор склада. Кликнул он местных страдалцев, истомлённых длительной сухоткой, пообещав им полноценный магарыч. Мужики, взбодрённые перспективой скорого рандеву с желанным змием, лихо взяли на abordаж кузов-длинномер. Когда же раскрутили они объёмистый борт металла, то открылась тут же перед взором потрясённого Макарыча во всей своей бесстыдной наготе ужасающая правда!

Распался тот борт горками на равные части – торцами из обрезков уголка длиной не больше купированного собачьего хвоста и сиротской шкурки в один слой, мастерски сооруженной из плотно притиснутого друг к другу проката!

Когда с Макарыча сошёл столбняк, заревел он белугой, затряс шофера за грудки! Но и тот оказался ему сотоварищем по несчастью! Его самого наняли, сказав, что рассчитается с ним на месте получатель груза, что лежит в его кузове! Макарыч, едва уяснив, что он прикупил на свои пятьдесят тысяч товару, которого можно за час насобирать по окрестным углам и помойкам, проклиная тот день, когда родители его, производя на свет чадо, видимо, не доложили ему ума, помчался на растреклятую базу!

Когда он, взбешённый, ворвался в контору базы с требованием вернуть деньги или товар, как следовало из проплаченной квитанции, которую один из парней носил туда для оплаты, ему мягко намекнули, что нехорошо быть в его годы таким лохом! Таких парней по его описанию и в помине в штате базы не существует! Что было делать несчастному дурню! Поманила его судьба длинной денежкой, да оставила три копейки, как раз на то, чтобы залить горе-насмешку!

И-эх, жизнь, жизнь! Отдаёшь все силы свои, чтобы хоть как-то приукрасить тебя, неизбывно-горькую, да только, видать, вся радость твоя на дне стакана осталась! Плакал Макарыч, в который раз поведав своё злключение очередному собутыльнику, всё спрашивая его: «За что?» и «Есть ли правда?», но, не дождавшись ответа, уходил к следующему...

За полночь вернулся Макарыч домой. Заперся он на кухне. Испуганная жена, подслушивая за дверью истовые монологи мужа, не решалась потревожить его затворничество. А Степан

Макарыч, муж ее, глядя на стоявшую перед ним пол-литра был трезв, как сияющий месяц, глядевший на него с небес. Ничего не мог поделать с его потрясённой душой зелёный змий. Всю ночь, до пяти утра, постепенно истекая силами, он горестно жаловался кому-то, да так и остался сидеть, уронив голову на стол перед своей полупустой утешительницей, как перед иконой...

По дороге на объект напарники обсуждали поведение бригадира:

– Это ж сколько выхлебать нужно было, чтоб так мужика скрутило?! – от великого недоумения рифмой спрашивал Виктор. И тут же, не дожидаясь ответа Стаса, той же манерой ответил сам себе:

– Чтобы в голос так орать, нужно выпить литров пять!

По всему было видать, как глубоко был поражён чудным поведением бригадира славный трудяга-слесарь.

Стас покосился на напарника и буркнул:

– С пяти он бы подох! Но выжрал он точно не менее трёх!

Идти было недалеко. Нырнув в полусумрак подъезда, мужики долго возились с замком, висящим на двери в подвал. Но тот не желал открываться ни в какую.

– Блин, ключ не входит до конца в замок! Изнутри что-то вставлено! Посвети-ка в скважину.

Виктор приладился лицом к замочной скважине. С минуту что-то там высматривал и вдруг, распрямившись, в озлоблении закричал, колотя ногой по двери:

– Эй, открывайте, пиндюрины! – пояснил он свою внезапную перемену в поведении. – Там бомжихи заперлись. Они живут здесь зимой.

– А что это такое, – пиндюрины? – заинтересованно спросил Стас, заинтригованный необычным словом.

– А вот сейчас откроют, – увидишь сам...

В двери щёлкнул замок. Она тихонько стала приоткрываться. Виктор не стал дожидаться окончания сего действия. Энергичным толчком он распахнул её настежь. Стас успел заметить в слабом свете пятнадцатисвечевой лампочки, как от двери испуганно отскочила маленькая тень и забилась в угол. Включив переноску, они вошли. Присмотревшись, Стас увидел в углу, на куче наваленного тряпья, сидящих на корточках две серенькие, словно бесплотные, настолько они сливались с цветом стен, скукоженные женские фигурки. Их маленькие личики, странным образом напоминали сморщенные обезьяньи мордочки. Они с испугом глядели на них, пока одна из женщин не узнала в вошедшем огромном мужике давнего знакомого.

– Витенька, это же ты! А мы с Ниной перепугались, уж как перепугались! Думали – комиссия какая, что ль!..

– Не бойсь, мы ненадолго. Ну-ка, постельку свою быстренько собрали и в другой конец подвала отнесли! Мы тут сейчас маленький потоп устроим! – Виктор усмехнулся. – Вот это и есть пиндюрины. Им уже за пятьдесят. Как бабы, они уже ни на что не годные, потому и пиндюрины.

Пока Витя пояснял значение нового термина, подвальные жилицы, шустро уложив свои тряпки в картонные коробки, на которых была устроена постель, скрылись, да так тихо, что Стас подумал – не испарились ли они.

– Надо же, ловко устроились бомжихи! У них что, свой ключ есть?

– Ну! Они уже третий год живут здесь, сёстры-близняшки.

– И что, обе без хаты?

– По пьяни подписали какие-то бумаги. А когда прочухались-проспались через пару дней, им обеим дали пинка с Любкиной квартиры. Сестра давно у неё жила, как беженка откуда-то там. У Любки муж умер, она прописала сестру, да и на пару заливать стали...

Напарники, быстро закончив предвариловку, открыли задвижки. Дождаясь, пока вся вода не сольётся из стояков, отошли к примостившимся у стены сестрам.

– Витенька, не хочешь ли водочки? У нас есть, не бойся, хорошая, по случаю взяли.

– Какая ещё водочка! Знаю я ваше пойло! Им только тараканов травить...

– Да не, ты не бойся, это дорогая. Нарочно для Нинки взяли, на лечение.

Витя, не сдержавшись, искренне расхохотался:

– И так сорок дней в месяц без продыху лечимся...

Любанька не обиделась. Жалостливо поглядев на сестру, тихо сидевшую поодаль, чуть раскачиваясь и прижимая к груди обмотанную большим куском тряпки руку, сказала:

– Ой, Витенька, у нас чуть беда не случилась, да вовремя надоумили нас что сделать. У Нины с рукой большой нарыв сделался на пальце. Весь распух и гноем пошёл. Она лежит в температуре и стонет так, хоть уши затыкай. Доктора сюда не позовёшь ведь, а Митька говорит, что гангрена у неё... Палец отрезать надо, не то вообще без руки останется, а то и жизни лишится. Вот... и надоумил, да и вызвался помочь. Мы вчера купили эту водку, таблеток от боли дали ей, и палец-то Митька так и оттяпал. Теперь она вот только водкой и заглушает боль, таблетки слабенькие оказались...

– Ох, дуры бабы, в больницу надо было ехать! Хрен знает теперь, что может случиться!

– Случится, так случится, на всё воля божья... – вздохнула Любанька. – Вроде ей легчает.

– Ладно, ваше дело. Сидите здесь. Через часок вода сойдёт и в вашей спальне быстро всё просохнет. А в поликлинику своди её, на всякий случай.

– Не в чем нам, Витенька, ходить по докторам...

Она ещё что-то говорила, но Виктор уже поднялся и кивнул Стасу:

– Пора.

Мужики поднялись на третий этаж и позвонили. Дверь им открыла упитанная, лет сорока, тётка. Квартирные запахи шибанули Стасу в нос смесью мясной поджарки с луком, кошачьего духа и кислого аромата дешёвых духов.

– Проходите.

Тётка озабоченно посмотрела на напарников и спросила:

– Мне на работу идти через час, вам долго работать?

– Минут за пятнадцать управимся, но...

Виктор сделал паузу, во время которой он, замаявшись, многозначительно вздохнул:

– Если очень постараться, сами понимаете! По норме на замену полотенцесушилки отведено полтора часа, чтобы было с гарантией, что не прорвёт и не затопит квартиру. Если вы торопитесь, то мы можем отложить установку на понедельник. Перекроем у вас горячую воду, чтобы не оставить весь стояк без горячей воды...

– Ой, что вы, что вы, – затараторила тётка, испуганная перспективой трёхдневного сидения без самого насущного коммунального удобства. – Ни помыться, ни посуду вымыть! Нет, делайте сейчас, я оплачу вам за скорость, только уложите в срок. У меня на работе очень строго с опозданиями. Постарайтесь, ребята! Вы делайте, а я сейчас... – и она опрометью бросилась в комнату.

Не успели мужики скинуть свои куртки, как она очутилась возле них. Видимо, принимая Виктора за старшего, тётка стала совать ему в руки объёмистый бумажный пакет. В нем что-то тоненько звякнуло. Витя, воззрившись на тётку сверху вниз с высоты своего роста, сухо уточнил:

– Пузыри?

Тётка с готовностью энергично закивала головой. Витя усмехнулся. Обернувшись к Стасу, он с деланной горечью в голосе сказал:

– Вот так пропадают лучшие силы ремонтной группы нашего ДЭЗ'а! А мы стараемся, приносим дефицитные материалы, приспособления и инструменты для скорости исполнения

заявки, и что? Жильцы до сих пор думают, что я не в состоянии купить себе какой-то там пузырь! Нет, это время осталось в прошлом...

Тётка уже поняла скрытый смысл Витиных горьких слов, выхватила из его рук пакет. Подстёгиваемая недостатком времени, она шустро скрылась в недрах своей квартиры. Виктор и Стас не стали ждать ее появления. После столь категоричной обработки хозяйка уже не станет даже торговаться с ними из-за пары сотенных бумажек. Витя ткнул Стаса и назидательно прошептал:

– Запомни, – урок номер главный, – приходить всегда надо к началу обеденного перерыва. Его можно выяснить, предварительно созвонившись с жильцом. По большей части, детей мы исключаем, жильцы в это время не имеют возможности кочевряжиться. Ты их берёшь тёпленькими! Тактика срабатывает в восьмидесяти случаях из ста, поверь мне!

Совмещая свой менторский практикум с монтажом полотенцесушилки, Виктор ловко орудовал ключом. Стас не успел оглянуться, как он в несколько оборотов снял старое просифоненное колено сушилки и, как ни в чем не бывало, уселся отдыхать! Стас недоумённо уставился на безмятежно развалившегося на стуле напарника и спросил:

– Ты чего, давай устанавливать новую!

– Ага, разбежался! Тебе бабки принесли? Нет? Так чего ты рыпаешься! Дорогой мой, я знаю этих жильцов, как облупленных! Ты чего, и в самом деле подумал, что тётка куда-то дико спешит? Ничего подобного может и не быть! Она нас на понт берёт, уразумел? Мы все в мыле, скоренько ставим ей сушилку, а она, с любезной улыбочкой провожает тебя до двери со своим «спасибо!». Вот где она сейчас? – Виктор покосился на дверь комнаты. – Думаешь отслоняявляет тебе купюрки? Ждет она, когда мы поставим сушилку и сейчас же тут как тут! Сиди, отдыхай, да головой смекай!

Он осклабился:

– Тётка там сейчас минутки считает на часах! А мы погодим, брат, – бабки в руки, ключ на старт!

Стас только крутил головой, удивляясь хитрой тактике своего напарника. Но, не выдержав, спросил:

– А если она и вправду идёт на работу, мы же можем не успеть?

– Да ты что, пару минут привинтить, и полный ништяк!

– Ну, а если что пойдёт не так, – не унимался Стас. – Ты же понимаешь, сплошь и рядом такое бывает.

– Да это ещё нам лучше! Договариваешься на вечер за доппаёк! Вот тут уже и пузырь можно взять, да ни один! Как раз расслабиться! Ха!

– Ну, ты и стратег! – Стас восхищенно снова помотал головой. – Но если она в диспетчерскую позвонит и попросит какого-нибудь другого слесаря прислать на заявку?

– Ты чего?! – изумленно воззрился Виктор на Стаса. – Кто ж на мой участок, тем более на мою заявку сунется! В журнале всё отмечено! Такого я не помню! О! А вот и наши денежки шагают к нам.

– Ребята, уже всё? – взволнованно спросила тётка, ежась под суровым взглядом Виктора. Тот хмыкнул. Ткнув пальцем на стояк, сказал:

– Старый больно. Вся резьба краской забита! Её только очищать надо полчаса! Хотя у меня есть спецпромывка, можно и ускорить дело, только, как вы захотите...

– Ну да, – удручённо ответствовала со вздохом тётка, – вот, возьмите...

Она протянула Виктору деньги. Он, мельком пошелестев ими, вдруг заорал на Стаса:

– Ну, чего стоишь, видишь, человек опаздывает! А вы идите, собирайтесь, мы сейчас, мигом!..

Всё вышло по Витиному сценарию. Отдавая Стасу его сотню, он сказал:

– Сегодня всё сработало удачно. Бывает, конечно, и стержовные жилыцы попадают, но таких мы уже всех на своих участках знаем. Так что, в общем, в накладе не остаётся. Ладно, разбежались по домам, времени уже двенадцать. Пока!

Идя домой Стас, упаковав свежеприобретенный опыт в ближний уголок своей памяти, извлёк из соседнего мучивший его всё настойчивее жилищный вопрос. Время шло, а разговор с Харицкой всё откладывался. Мешало ему практически всё, – и неблагоприятные обстоятельства, и нестыковка с ней в удобном для разговора месте и времени, и черт знает какие ещё причины! Но только тот месяц, который Стас крутился вокруг Харицкой, как кот вокруг сметаны, пролетел впустую. «Заколдованный круг какой-то, – раздраженно ворошилось в голове. —И благо бы знать наверняка, что толк будет, а то даром время уходит. Хозяева вот-вот придут... опять по всей Москве с высунутым языком бегать в поисках угла... работу менять, если съезжать придётся на другой конец города...».

После обеда собравшийся трудовой коллектив бурно обсуждал странное поведение своего начальника. Вся рабочая тусовка, пребывая в совершенном недоумении, гадала, чтобы такое могло приключиться с «Черепом», если он впал в полное озлобление и позволил себе так орать?

Предположения высказывались разные, но больше всего они сходились на одном, – у «Черепа» приключилось какое-то великое горе и потому он был из-за этого вне себя. Миловидная малярша Светка, всплеснув руками, проговорила с неподдельным беспокойством в голосе: «С сыном у него беда случилась! Заболел он чем-то сильно, вроде, рак у него!». «Ничего подобного», – встрял Сашок-шепила, —у него мать померла! Я слышал позавчера, как он что-то о цветах по телефону говорил!». «А причём здесь мать? – взорвался Леха. — Хрень всякую несёшь!».

Остальные не успели высказаться, как в бригадирскую вошла Антонина и с порога объявила:

– Расходитесь по местам! Заявки у диспетчеров!

Её тут же засыпали вопросами: «что да как с Макарычем?». Но Антонина только коротко сказала: «Заболел он». Чем, конечно же, не прояснила ситуацию, оставив свидетелей необычного приступа странной болезни, так внезапно поразившей Макарыча, в прежнем недоумении.

Тема болезни Макарыча с новой силой вспыхнула в диспетчерской на Абакумова. В комнате отдыха весь наличный состав прикрепленных к этой диспетчерской слесарей и плотников мучился вопросом медицинского казуса, случившегося в бригадирской. Самой радикальной точки зрения придерживался, как всегда, Лёха:

– Белая горячка у него была, мужики! Есть такой вид тихой белой горячки, я-то знаю!

– Точно! Он вообще в последнее время выглядит каким-то идиотом. Ему говоришь – дай бочата на полдьюма или, там, кранов на обратку, так он вылупится и смотрит так, будто я должен ему миллион! – с гневом поддакнул Лёхе Виталий.

Витя-маленький, видимо, не смог остаться в стороне, – так наболело у него, что с такой экспрессией выдал ещё одну обличительную тираду:

– Блин, с каждой «халтуры» тянет чуть ли не половину! И ведь ходит, сволочь, проверяет все заявки! А потом опрашивает жильцов, кто сколько накинуд! Что б ему мучиться этой белой горячкой до пенсии!

Виктор невесело хмыкнул:

– Чё ты болтаешь, думаешь, другой будет лучше? Вот хоть тебя поставь, так же будешь караулить всех, как цепная собака! С этим хоть договориться можно... иногда, – неуверенно прибавил он, заметив косые взгляды слесарей-подельников.

Но вслух никто не стал опровергать его. Груз высказанных, а ещё более лежащих на сердце обвинений, не подлежащих разглашению в силу их тайных личных договорённостей с «Черепом», гасил на корню всякие откровения. Только тяжкий вздох, больше приличеству-

ющий тяжелобольным, лежащим в какой-нибудь реанимации, стал невольным свидетелем их беспросветных дум.

А в то же самое время начальник этой многострадальной конторы, Харицкая Юлия Семёновна, пребывала во вполне понятном замешательстве. Степана Макарыча ей не пришлось долго уговаривать пойти домой и лечь в постель. Его странный и сверхмятый вид говорил её взору, что бригадир явно находится в состоянии душевного потрясения. Она никак не могла понять, с чего это всегда уравновешенного и рассудительного мужчину в одночасье поразила нервная горячка.

Что это было так Юлия Семёновна поняла сразу, как только увидела своего подчинённого. Он сидел за столом бледный, с диким горящим взглядом на покрытом испариной лице и, сжимая в судорожных конвульсиях кулаки, что-то беззвучно восклицал!

Она с мастером Антониной, после интенсивной тряски, ибо слова не оказывали никакого действия, пытались вывести Степана Макарыча из заколдобившего всю его натуру состояния. Только после нескольких минут энергичной работы им удалось это сделать. Макарыч вдруг повёл глазами, издал приглушенный звук, напомнивший женщинам рёв озабоченного быка. Поворотив к ним лицо, он спросил:

– Что, где я?

– Ну, слава богу, Степан Макарыч, мы уж думали, вас кондрашкахватила! – в один голос вздохом облегчения вырвалось у порядком растреволженных женщин. – Что такое с вами?

Макарыч тупо глядя перед собой, как робот, механически повторил их вопрос:

– Что такое со мной?

Он поднял голову и, пристально оглядев стоящие перед ним неясные фигуры, сказал:

– Мне что-то плохо, заболел я...

– Ну, конечно, Степан Макарыч, вам надо пойти домой, отлежитесь и всё будет хорошо!

Ласково увещевая дрожавшего легким ознобом бригадира, они попытались его поднять и так оставить, но покачнувшийся Макарыч показал свою полную непригодность к самостоятельному перемещению. Антонина, видя плачевное состояние начальника, ободряюще сказала ему:

– Ничего, Степан Макарыч, я пойду с вами и провожу до дома.

Оставшись одна, Харицкая только качала головой. Ещё одна беда свалилась на вверенное её руководству учреждение. Звонили из милиции и вызвали её для дачи показаний. Она не преминула поинтересоваться, чем же таким у следственных органов вызван такой интерес к их коллективу. Следственные органы приятного баритона голосом ответствовали ей, что интерес к ним намечается вполне определенный. Желательно, чтобы уважаемая Харицкая Юлия Семёновна прибыла сейчас к ним для небольшого разговора.

Из бригадирской Харицкая, не заходя к себе, заглянула к секретарю и известила о своей предстоящей отлучке на час-полтора. В милиции она прошла в указанный ей кабинет. Тот же приятный баритон, принадлежащий симпатичного вида молодому человеку, задал первый вопрос:

– Что вы можете сказать об Куркове Иване Фёдоровиче, поподробнее, пожалуйста, – уточнил, заглянув в листок следователь.

– Работает он у нас давно, больше десяти лет. Я точно не знаю, так как сама недавно в этом ДЭЗ'е. Насколько я могу судить по отзывам о нём, он самолюбив, прижимист, с большим гонором, но работник надежный, вот, пожалуй, всё.

– Скажите, как давно работает Курков в диспетчерской на Абакумова?

– Насколько я знаю, дольше всех. Я ещё раз хочу сказать, что я работаю на этой должности всего полтора года...

– Это не существенно, – вежливо прервал её следователь. – Значит, он пользуется полным доверием у диспетчеров?

– Ну конечно! – вскинула пухленькую ручку Харицкая. – Он хоть и тяжёл в общении, но дело своё знает прекрасно. Жильцы часто просят его на заявки.

– Из этого следует, что он с работы мог вполне свободно унести ключи домой, не поставив диспетчеров об этом в известность?

– В конце рабочего дня это невозможно! – категорически замотала головой Харицкая. – Заступает другая смена и пока все ключи не окажутся на месте сменщица не примет её. Но вот в обед это вполне возможно, чтобы не тратить обеденное время на возврат ключа на место, если работа по заявке не была ещё закончена. Так делают все...

Следователь в размышлении помолчал немного, затем спросил:

– Получается, что некоторые изъятия ключей с доски не фиксируются в журнале?

– Такие нет, – чувствуя какой-то подвох, неуверенно ответила Харицкая. – Но что в этом криминального, если один и тот же человек работает до окончания заявки без росписи в журнале?

– Я не говорю, что это криминал. Только то, что на это время ключ может находиться в бесконтрольном владении ещё кого-либо.

– Нет, это невозможно, я категорически утверждаю это! Никто не передаст ключ в другие руки, мы инструктируем наших работников на этот счёт регулярно! – вспыхнула благородным порывом Харицкая.

– Что ж, теперь мне ясно положение дел, – удовлетворённо сказал следователь, не обратив ни малейшего внимания на бдительно-искреннее восклицание Юлии Семёновны.

– Скажите, ваш интерес к Куркову на чём-то основан, если это не тайна следствия.

Следователь засмеялся, но потом, уже вполне серьёзно, пояснил:

– Нет, это всего лишь процедура выяснения обстоятельств дела. Но, все же, я прошу вас, пока не говорить никому о направленности нашего разговора. Понимаете, люди таковы, что любой интерес следственных органов к чьей-либо персоне вызывает вполне понятное мнение в виновности её по расследуемому делу. Тем более, такому зверскому и бесчеловечному. Как вы понимаете, в большинстве своём это совсем не так, но косые взгляды и нравственный дискомфорт этой личности ещё долго приходится на себе ощущать. А как же, – «нет дыма без огня!». Ну и так далее. Вот почему я ещё раз прошу не упоминать в разговорах тему нашей беседы.

Юлия Семёновна с жаром принялась заверять ответственное лицо о своей полной готовности следовать неукоснительно его рекомендации. Следователь с грустью подумал о бессмысленности его увещаний. Эта женщина явно была из той, самой многочисленной породы человеческих существ, которые дышать перестанут, если не поделятся со всеми встречаемыми только что обрётённой тайной, доверенной ей под великим секретом...

К концу дня Стас, протаскавшись по заявкам, уже и думать забыл об утренних переживаниях, спаянных в тугую клубок чувств и эмоций. Он, пожалуй, даже и не смог бы отделить их друг от друга. Но, всё же, ощущение какой-то легкой отрады, как будто ему вручили нечаянный подарок, иногда оплёскивало сердце мягкой тёплой волной.

Возвращаясь домой, Стас с усталой усмешкой заметил, что от утренней роскоши красот природы ничего не осталось. Осыпались с ветвей прихотливые узоры пушистого инея, поднявшийся ветер разметал по углам лёгкую перину снега. Искрящееся покрывало мерцающего многоцветья исчезло, как исчезают после пробуждения цветные наваждения нечаянных снов...

Глава 5

Эпистема... Ныла и простреливала подвешенная на грузе нога. Хотелось пить, но Стас боялся пошевелиться. Ходячих в палате было немного. По таким пустякам, как желание глотнуть воды, ему не хотелось никого беспокоить. Местный приживала Валера, обураваемый халявным желанием опрокинуть стаканчик водяры, появится только к вечеру. Остальные, кроме сколиозника Серёги, единственного ходячего утешения, были в таком же положении раздавленных тараканов. Переломы нижних конечностей и рёбер, шеек бедра, тяжёлые вывихи да позвоночные грыжи, как заработанные медали и ордена в сражениях с жизнью стали невольными свидетелями проигрыша в этой нелёгкой борьбе возлежавших здесь бедолаг.

Стас с завистью смотрел на расположившуюся напротив него компания молодых организмов, ни в малейшей степени не отягощённым таким рудиментом, как мозги. Компания уже второй час оттягивалась «правильным» пивком. Потребляли его в равной степени как молодёжь женского рода, не переросшая ещё в девах, так и пацанья братва. «Паровозный обмолот» выдавшего виды кассетника добавлял изрядную эмоциональную специю в атмосферу палаты. Но вступать в переговоры с сей молодёжью, уже набравшейся до оловянного блеска в глазах, почему-то никому не хотелось. Припоминался сразу случай с «нечаянно» упавшим «варнаком» из такой же кампании на грузовую оттяжку, закреплённую на сломанной ноге. Тот мужик, говорили, долго ещё орал, поминая всех до тридесятого колена самой жгучей лексикой своего словарного запаса. Его даже не утешило то обстоятельство, что развесёлая кодла была немедленно вытурена взашей вместе с болезненным, к которому явилась скрашивать его скорбные часы...

Так-то оно так, но пива захотелось до ломоты в зубах! Сосед Юра, судя по его напряженным скулам и плотно прикрытым векам, полностью разделял мнение Стаса. Его вывих шейки бедра, требовавший того же радикального лечения, что и сломанная нога Стаса, не давал ему такого же права голоса. Из опасения быть неправильно понятым в своей просьбе он, вздохнув глотая густые запахи пива, давился слюной и молчал.

Трудно сразу вот так отрешиться от многолетней привычки, особенно закреплённой в последние годы обрушившимся на ошалелое мужское поголовье страны водопадом разнообразнейшего питья! Сверзился он на иссохшие глотки страдавшего за последнее десятилетие мужика, как «тать в ноци»! Тот, припав к почти даровой поилке, отпадал от неё только в состоянии изумленной прострации!

Чего только не творилось теперь во вздрюченной, поделённой на две, далеко неравные части населения алкоголиков и бизнесменов! Их можно сразу было определить по присутственным местам. Те, кто избрал коммерческие банки всевозможных фасонов и размеров, ООО, ОАО, ЗАО и прочие малые предприятия, густо разбавленные мелким предпринимательством в виде палаток, ларьков, киосков, офисов-однодневок местом приложения своих сил, полностью терялись на фоне других старателей зелёного змия. Его могучая и неисчислимая армия в великом хмельном угаре танцевала свой незамысловатый танец на всём пространстве дуrolомной страны. Науськанная океанами рекламной алкогольной погани, она спивалась стадами, портя вконец и без того жуткую демографическую картину!

В раже веселия питья мужички в годах, пареньки, даже не сбившие первый пушок, чванливые интеллигенты и пьянь подзаборная вкупе с серьёзными деятелями от всяческих высших интеллектуальных сфер, — все они стараниями своего весёлого патрона, ломая и круша члены свои и близких своих наполняли палаты лечебных заведений в превеликом множестве! Как потом узнал Стас, никто из возлежавших в его палате не избежал расплаты за свой неосмотрительный договор с зелёным гадом, за что и был наказан тяжким увечьем!

Сосед Юра, человек профессорского вида, правда немного подзапущенного, обиженно вздохнул и скосил один глаз в сторону Стаса:

– Вот изверги! – шёпотом прошепел он. – Хоть бы угостили парой глотков! Ну хрен с ним, с ихним обмолотом, я бы стерпел, но пиво они жрут просто бесстыдно! Даже не догадываются, молокососы, что с ними рядом тоже люди лежат! Спросить, что ли, уважили бы старших бутылочкой...

– ...по голове! – отозвался Стас. – Они все уже по завязку, не видишь, что ли! Хрен его знает, что у них сварит в башке! Лучшие не лезть....

Юра закрыл полный надежды глаз, и на его лицо опустилась скорбная маска разочарования. Он с трудом переносил своё заточение, а потому часто бывал раздражителен и сварлив. Стасу с первых же часов пребывания с ним по соседству показалось, что Юрий Михайлович чем-то сильно удручён. Поначалу ему некогда было разбираться в сложностях натуры своего колоритного соседа. Только потом, в потянувшиеся тягостной чередой унылые дни, Стас поневоле стал вникать в его психологические экзерсисы.

В минуты просветления Юра был способен на пространные монологи из своей, уже клонившейся к закату, жизни. Излагая тот или иной эпизод, он, со вкусом живописуя его, подавал так, как хороший повар выносит вам на праздничный стол своё самое любимое блюдо. В ароматных словесных кусках повествования чувствовался тонкий вкус рассказчика, которому не чужда была изрядная доля стилового соуса. И даже мат, присутствовавший в небольших дозах, как тонкая приправа, острой перчинкой выгодно оттенял немудрёные бытовые сценки! Что уж тут говорить о значимых событиях в жизни Юрия Михайловича. Он в такие моменты возвышал свои монологи до шекспировских высот. А достоевская аналитичность и глубина сюжета увлекала всех, кто внимал ему в это время....

Но... так бывало редко. Стас заметил, что Юрий Михайлович совсем не охоч до разговоров на семейные темы. Он тщательно обходил их в разговорах, да и посетители не баловали своим вниманием. Стасу не хотелось спрашивать его об этом. Догадавшись, что не всё благополучно у Юры на этом куске жизненного поприща, деликатно обходил щекотливую тему.

А в «проклятой» Макарычем квартире тем временем всё шло к заключительному этапу, – монтажу новехонького сантехнического оборудования. Ёкало сердце владельца этих богатств. Скоро, скоро будет счастье, такое долгожданное, с такими лишениями выстраданное на протяжении нескончаемой недели!

Сантехники, оправдывая некоторую затяжку предварительной подготовки помещения, указывали на неудобство штробления в стенах пазов для сокрытия непрезентабельного вида подводки на фоне будущей роскоши. Ещё немалое количество причин они отыскивали на этом фронте работ. В конце концов, до хозяина дошло, что мужики не могут продолжать работу, не подпитанную некоторой суммой аванса. Напрасны были увещевания хозяина, взывания к договору и совести нанятых спецов! Тщетно! Слесаря стояли на своём. Бедолаге пришлось сдаться на милость профессионалов-вымогателей. А устроил их аванс почти в половину обговоренной суммы за всю работу!

Настырность «халтурной» бригады водопроводчиков объяснялась просто! Макарыч, с трудом сдерживая в себе злорадство, объявил им свою волю, – за раззор санузла (чтобы дать затравку слесарям и не позволить им сорвать свой план) он разрешает содрать с жилья контрибуцию в виде аванса такую, какую только смогут. Но потом, если кого застанет в той квартире, уволит по статье с денежным возмещением всего объёма работ, даже если тот только зашёл в квартиру выпить стакан воды!

Сашок-шепила, помня о страшной клятве, данной всевластному Макарычу, всё это время находился в великих сомнениях по этому поводу. Внезапный недуг, сразивший бригадира как раз ко времени завершения работы, поверг его в состояние сильной депрессии! Сашок

всерьёз опасался, что не сможет предупредить «Черепу» об окончании работы. Тот, не задумываясь, выполнит свое ужасное обещание! Несчастный Сашок не знал, что остальных его поделщиков Макарыч уже известил о своих намерениях.

Промаявшись всё утро следующего дня, Сашок решился на крайний шаг. Вопреки запрету Макарыча давать свой домашний телефон, дабы оградить свой покой в родных стенах от бессовестных работяг, Сашок, со страданием в голосе, подступил к Антонине с дерзкой просьбой. Умоляя открыть сию святую тайну, так как в интересах начальника хочет известить о его срочном деле.

Антонина вначале и слышать не хотела об этой акции. Но потом, отсадив Сашку в дальний угол комнаты, набрала номер телефона Макарыча. Первым делом, спросив Макарыча о самочувствии, она приглушённым шёпотом сообщила ему, что с ним настоятельно требует разговора Замараев. Видимо, получив на то начальственное соизволение, Антонина, протянула трубку Сашку. Сорвавшись с места, Сашок в один миг оказался рядом. Схватив трубку, он заговорщицки забормотал:

– Степан Макарыч, они уже закончили... вы просили сказать вам.

С минуту он что-то слушал в трубке, затем вернул её Антонине и сказал:

– Все, я пошёл...

Макарыч в раздумье опустил руку с телефонной трубкой на одеяло. Хотя он ещё и находился в кровати, но чувствовал себя вполне сносно. Ночь и вся вторая половина предыдущего дня, охваченные крепким сном, напрочь смыли из его воспалённой головы остатки поразившего душевного смятения. Сейчас Макарыч усиленно обдумывал сложившуюся ситуацию. Совмещение двух таких разноплановых задач, как-то возмещение убытка и прохиндейство слишком шустрого жильца, породили в его голове какую-то неясную по своей структуре мысль. Она, (Макарыч чувствовал это), каким-то причудливым образом, почти что математического характера, совмещала в себе эти два понесённых убытка, – пару огромных минусов превращала в не менее жирный, огненно-светящийся перед его мысленным взором, плюс! Макарыч с каждой минутой своего умственного напряжения понимал, что тут, в этом сочетании, кроется его благополучное разрешение финансовых проблем. Что это могло быть, какое такое решение, он не мог ещё понять. Но, зацепившись за эту мысль, Степан Макарыч полностью положился на нечаянную фартовую идею.

После сытного обеда, который изволила принести в постель супруга, страдающая от одного вида болезного, Макарыча вдруг осенило. Калорийная подпитка его мыслительного аппарата сделала своё дело. Степан Макарыч в совершенном довольстве откинулся на подушки!

Уверенной рукой Макарыч набрал номер Харицкой. Та незамедлительно отозвалась, будто нарочно сидела у аппарата в ожидании его звонка.

– Юлия Семёновна, доброго здоровьичка! Это Лепилин вас беспокоит.

– Добрый день, Степан Макарыч! Как ваше здоровье? Мы уж тут беспокоились, но звонить вам не хотели, чтобы дать вам отдохнуть.

– Спасибо, Юлия Семеновна, уж и не знаю, что это было со мной! Доктор сказал, что, возможно, нервный срыв был. Вот проспал всё это время. Ну, да ладно, я вот что звоню вам. Мне не дает покоя одно дело, как бы нам оно боком не вышло, скажут, недосмотрели!

– Вы меня пугаете, Степан Макарыч! У нас и так везде хвосты прилично поувязли. Чем же вы меня хотите ещё порадовать в кавычках?

– Дело в том, что на Ярославке, в двести шестнадцатом доме, есть неблагополучная квартира. Её хозяин без согласования с жилищной инспекцией и Мосжилпроектом сделал полную перепланировку санузла. Там он убрал стенку, всю сантехнику и подводку к ним проводит самопалом, без согласования с нами. Я боюсь, как бы это не привело к таким же последствиям, когда двенадцатый ДЭЗ платил штраф за недосмотр.

– Так что же мы смотрим! Немедленно, как только вы вернётесь с больничного, создать комиссию и составить акт о самовольном перепланировании помещения и ликвидации сантехнической подводки...

– Юлия Семёновна, – перебил её Макарыч, – чтобы такая комиссия приступила к работе, мне совсем необязательно быть в её составе.

Макарыч намеренно этим вывел себя из состава комиссии с расчётом на дальнейшее продолжение дела к своей выгоде:

– Достаточно мастера, слесаря-сантехника и представителя руководства ДЭЗ'а, то есть, главного инженера. Тут нужно поторопиться, всякое может случиться! Зальёт он квартиру, – нам тогда опять из своего кармана оплачивать ремонт! Надо это дело пресечь в корне, упредить и, к тому же, заставить восстановить за свой счёт в недельный срок испорченное помещение. Тут нечего церемониться, не то они сядут нам на голову! Не восстановит, – дело передать в суд!

– Что ж, это правильно и дельно. Хорошо, выздоравливайте, а мы сегодня же во второй половине дня созовем комиссию и осмотрим квартиру.

– Садитесь, Курков. Вам уже понятна причина нашего с вами разговора?

– А как же! – Курков ерзанул на стуле. – Только и делаем, что всю неделю говорим с мужиками об этом случае. Всем интересно, поймают ли убийцу или так, «глухарем», как всегда, это дело проскочит!

Он иронично усмехнулся:

– Вы не обижайтесь, я не к вам это отношу. Просто столько таких дел случилось за последнее время, что все их раскрыть невозможно. Их много – вас мало, вот и всё!

Стариков спокойно дослушал Куркова. Выдержав паузу, сказал:

– Думаю, если пару краж из ларьков мы и не сможем раскрыть, как вы говорите, за нехваткой времени и людей, то будьте уверены, – это дело, которым мы сейчас занимаемся, стало нашим личным для всей следственной группы! Впрочем, оставим сантименты и поговорим конкретнее о вас.

– Чего это обо мне? Я что, особенный? – вскинулся Иван. – Вы, гражданин следователь, не цепляйте меня к этому делу! Я-то причём?!

– Спокойнее, Курков. Мы поговорим, выясним некоторые факты и только. Не больше и не меньше, чем с другими вашими коллегами. А вы как-то сразу нервничаете!

– Ничего я не нервничаю, – хмуро сказал Иван. – Просто, приятного мало находиться здесь и беседовать, – он подчеркнул это слово, – с вами!

– Что поделаешь, иногда так уж жизнь поворачивает, что и выбора не остаётся.

– Выбора! Скажите тоже! У кого дубинка в руках, тот и выбирает!

Стариков за время разговора внимательно изучал все нюансы поведения Куркова. Он намеренно продлевал разговор вокруг да около темы. Пытаясь обнаружить невольные следы беспокойства в поведении Куркова, Стариков подводил его к ней осторожно, не торопясь, как рыбак ведёт снастью крупную рыбу. Но то, что хотел он обнаружить, пока не удавалось проявить в достаточной степени. Курков на все его вопросы реагировал именно так, как повёл бы себя любой на его месте. Стариков почувствовал, что пора выложить главный аргумент. Улика, которую человек, однажды её употребивший, будет опасаться увидеть в чужих руках пуще пытки.

Стариков открыл папку, лежавшую перед ним, но не стал больше ничего с ней делать. Как бы вспомнив что-то, он взял трубку телефона и набрал номер.

– Олег, привет! Как съездил?.. Понятно...

Продолжая разговор, как бы машинально вынул из папки несколько мятых листков. Бумага, и это было хорошо видно, представляла собой вырванные из тетради развороты. Ведя разговор, Стариков искоса следил за поведением Куркова. Тот с обречённым терпением раз-

глядывал и Старикова, и его руку с зажатыми в ней тетрадными листами. Блуждая по комнате отсутствующим взглядом, Курков, выдохом спустив свое нетерпение, уперся глазами в пол. Ничего ни в его мимике, ни в поведении не изменилось.

Поняв, что нужно предпринять более решительные действия, Стариков бросил трубку:

– Вы не могли бы, Курков, припомнить, используете ли вы в своей работе, положим, вспомогательные материалы при установке сантехники, то есть кранов и всего такого прочего?

– Что это ещё за вспомогательные материалы?

– Ну, например, тряпки, ветошь или бумагу для каких-нибудь прокладок или что там ещё в этом роде?

– Ну, вы даёте, товарищ следователь! Прокладки из тряпок только бабы используют, да и то сейчас для этих дел есть кое-что получше. А мы, слесаря, употребляем ветошит, лён, гидроизолирующие шайбы и кучу всяких специальных уплотнителей и смазок.

– Что ж, с этим ясно. Ну, а не приходится ли вам в качестве, что ли, подстилки для чистоты употреблять бумагу, тряпки, в общем, что-нибудь вспомогательное. И ещё вопрос на эту тему, – если да, то приносите этот материал с собой или используете первый попавшийся на месте работы?

– Я что-то не пойму вашего вопроса? Что, руки вытереть чем-нибудь, что ли?

– Да, хотя бы руки, или подстелить под инструмент и приборы?

– Да чего-ж с собой таскать? В подвалах всегда полно чего-нибудь такого.

Стариков покачал головой. Аккуратно взяв тетрадные листки, разложил их перед Иваном.

– Посмотрите-ка, Курков, вот сюда. Не смогли бы вы что-нибудь сказать об этом?

Иван со скучающим видом наклонился к листам. С минуту недоумённо рассматривал их, потом поднял глаза на Старикова:

– Если вы хотите сказать, что разыскали мою школьную тетрадку, то честь вам и хвала, потому что школу я закончил уже двадцать лет назад! И первым делом, что я сделал, – это устроил крупнейший костёр из учебников и тетрадей!

Стариков прищурился:

– А почему вы решили, что это листки из вашей тетради?

– Почерк вроде мой. Я тогда писал, как курица лапой. Да и вам вроде чего-то не резон совать мне всякую макулатуру, если это не моя тетрадка.

– Логично!

Стариков потёр подбородок и взглянул на Ивана, повторил:

– Только тут есть одна маленькая, но очень существенная деталь. Вот обложка от этой тетради – прочтите, что написано на месте фамилии?

Курков поднёс грязносалатового цвета, всю в разводах, бумагу поближе и прочитал вслух:

– Курков Пётр. – Он недоверчиво посмотрел на следователя и прочитал с расстановками снова. – Курков... Пётр... Это что, тетрадь Петра, моего сына? Зачем она у вас?

– Может быть. А зачем она у нас, – легко догадаться. Тетрадь была изъята с места преступления в качестве одной из улики. Мы хотели узнать, как она там оказалась? В связи с чем я повторяю свой вопрос, – вы не использовали её как подсобную бумагу в работе?

Стариков взглянул на него. Курков застыл с напряженным лицом. Было видно, что он усиленно что-то обдумывает. Но, тут же, сбросив оцепенение, прокашлялся и сказал:

– Нет, я не знаю, как она там оказалась...

– Хорошо, мы с вами ещё побеседуем вскоре, а пока распишитесь вот здесь.

– Что это?

– Подписка о невыезде. Вам придётся до конца расследования никуда не уезжать. Пока свободны, Курков.

Стариков, после ухода слесаря, с минуту разглядывал тетрадные листы. Он почему-то думал об эфемерности причин и следствий во взаимоотношениях между людьми. Странная, почти мистическая, связь до этого совершенно незнакомых людей, разом соединила их в единый спай. Он видел, как Курков отреагировал на улику, но Стариков не того ожидал. Реакция Куркова походила скорее на ошарашенного неожиданным известием, или просто застигнутого врасплох, но только не уличённого в тяжком преступлении, человека. Да, он подобрался, внутренне поджался, и всё же это не было похоже на защитную реакцию. Скорее его поведение было сродни его, Старикова, позиции, – следователя. Курков очень сильно смахивал на человека, который вдруг должен разгадать неожиданную загадку, а не защищаться от грозящего ему самому обвинения. «Ладно, посмотрим, дальше что будет».

Стариков встал и вышел из комнаты. В соседнем с ним кабинете находились оба члена его опергруппы:

– Олег, что-нибудь экспертиза показала?

Высокий круглолицый парень утвердительно качнул головой:

– По предварительному заключению генетического анализа крови из его медкарты в районной поликлинике, и спермы с трупа показали высокую степень идентичности. Всё! Так что, Володь, дело, кажется, выгорает.

– Подожди радоваться. Это ещё ничего не значит и нам придется попотеть. Если Курков причастен к делу, то он тоже прекрасно это знает. По крайней мере, в разговоре он никак не прореагировал на тетрадь.

– Ну и что? – ответил другой оперативник. – Мужик с железными нервами, – такого на арапа не возьмёшь! Надо брать его, пока не поздно.

– Ладно, ладно, разогнался! Ты в школе показывал тетрадь?

– Всё чётко, тетрадка его сына. Училка опознала её с ходу! – Борис хмыкнул. – Она даже прибавила, что второй такой она давно в своей практике не видела.

– А как в школе характеризуют парня!

– Да как, блин! Оторва полная! – Борис даже скривился. – С ним в компании ещё двое тусуются, точно такая же бритоголовая вшивота!

– Хм, скинхеды! – Стариков устало повёл бровями. – Нам ещё этого не хватало, политику пришьют, за папашу! Тут же наскочит какой-нибудь Лимонов и начнет верещать о дискриминации! Лепилин в своей докладной говорил о трёх пацанах, которых выгнал из подвала, а в разговоре определённо указал на то, что опознал в одном сына Куркова. Значит так! В разработку надо взять обе версии, что-то тут, в этом деле, я чувствую, есть какая-то связь между старшим Курковым и младшим.

– Что именно? – спросил недовольно Борис. – Всё же ясно, не надо умножать сущностей сверх необходимого, как говаривал один очень мудрый человек. Версия, – толще не бывает, как железобетонная свая!

– Версия, говоришь? Я тебе сейчас набросаю столько версий, и все они будут не менее убедительны! Первая, – сынок изнасиловал и убил, испугался, поплакался отцу. Тот расчленил тело, чтобы незаметно вынести и спрятать. Версия вторая, – сам младший Курков со своими корешами всё сотворил, и папаша тут не при чём! Версия третья, – вообще не они, а мстительный дружок спрятал трухню младшего Куркова, когда они занимались суходрочкой, измазал ею тело убитой им девочки, и подбросил тетрадку! Версия четвёртая...

– Ну, ладно, хватит, – поморщился Борис, – вечно ты все усложняешь! Будем работать.

– И первым делом, что нужно будет сделать, – это выяснить поминутно, где на момент свершения убийства находился старший Курков. Это тебе. – Стариков ткнул пальцем в Олега. – А ты, Борь, возьми на себя младшего. Поспрашивай осторожно, да не его самого, время ещё не пришло, а тех, кто мог видеть или знать о нём в эти дни все. Дело не хилое, понятно, но ты уж постарайся! Я к полковнику, отчитаться.

...а образованностью выпендривайся у себя дома! Тут тебе не на диване валяться, книжки почитывать! Здесь технику знать надо, а на арапа не пройдет! – Алексей напыжился, и всем показалось, что он даже вырос, увеличился в размерах, с таким видом он оглядел всю собравшуюся компанию слесарей. – Тут не тараканов давить надо, а головой мозговать...

... – у кого она есть, – ехидно закончил Виталий. – Некоторые думают, если они научились козырять, то и голова у них на месте. Не за то ли таких из армии пнули, что к пустому месту руку прикладывали и даже не догадывались об этом?

Мужики тихим добродушным смешком обозначили своё знание адресата, в кого бросил свой камешек Виталий.

Алексей насупился, схватил газету и, закрывшись ею, пробурчал:

– Я и говорю, – некоторые болтать горазды, а когда нужно хотя бы компакт поставить, так один не просекает, а только кучей, знатоки хреновы!

Оник, не очень жаловавший подобные словесные разборки, примирительно сказал:

– Э, мужики! Один так знает, другой по-другому. Кому от этого плохо, да? Я вот что скажу, – всем плохо! Денег мало, работы много, – чего делить?

– Кому как! Вон Васька с верхней диспетчерской, – кого надо прикармливает, потому и сам рожу наел – только что сало со щёк не капает!

– Да брось, Вить, – ввернул слово Виталий, – мужик правильно живёт! По нынешним временам не будешь делиться, – херня приключится! Сами найдут и заберут!

– Чего брать, да и у кого?! У тебя, что ли? Разводной ключ, да и у того «губа» уже приварена! Васька на той диспетчерской общак держит, через него все халтуры идут! Мужики ему отстёгивают, он наверх куски отсылает, а сверху ему предварилровку по халтурам спускают, потому у них бабки и водятся! – Виктор презрительно хмыкнул.

– А чего ж ты? – Лёха выглянул из-за газеты, растянув губы в ехидной ухмылке. – У самого кишка тонка? Хрен с два! Васька – мастер что надо, вот и прут на него заявки, а тебе ещё губой шлёпать до него с пяток лет!

– Да ладно, чья бы мычала... Ты-то у него сам в наваре сидишь, знаем мы!

Витя, прикрывшись равнодушной миной, обернулся к Стасу:

– Видал? Нет, чтобы наши халтуры, с нашего участка не уплывали, так это он о них Ваське трепется!

– Ты, замылся в тряпочку, мутила хренов! Вон на тебя до сих пор заявка с триста второй висит за перетяжку бачка! Иди лучше бачок поменяй, да за свой счёт! «Череп» уже знает, что ты расколол его, так что новый у него хрен с два обломится!

Лёха победно вытаращил своё круглое личико и насмешливо оглядел всех. Виктор исподлобья глянул на Лёху, прокашлялся и спокойно сказал:

– Чё ты рыпаешься, стручок морковный? Я тебя предупредил, – ещё раз какая заявка уплывет отсюда, ты у меня свой газовый баллон сожрешь за раз! Я об этом узнаю сразу же, понял меня, прапор друченный?

При полном молчании оторопелых мужиков Витя поднялся и кивнул Стасу:

– Пошли на заявку.

Выйдя на улицу, Виктор сказал Стасу с такой интонацией, будто в слесарке не договорил:

– Если его не ставить на место, он совсем охамеет.

– А чего же мужики молчат? – недоумённо спросил Стас. – Им что, кушать не хочется?

– Кушать... – скривился Виктор – Они кормятся со своих участков и никакой прапор туда не влезет. Жильцы звонят им напрямую домой, даже не делая заявок. А мы по журналу пасёмся, что надываем отсюда, то нам в карман. Мы ведь ремгруппа, жильцов не обслуживаем, как квартирники...

– Почему? А только что с квартирной заявки пришли!

– Нам они перепадают, как дождик в пустыне, по случаю, когда нет никого или Марина подсуетится! У тебя много их было, если бы не я? Теперь понял?!

Стас уныло кивнул и перебросил сумку на другое плечо. Разбрызгивая мокрый снег сапогами, он плёлся за Виктором, впадая в ещё большее уныние. Ничего не клеилось с квартирой. Харицкая, как беспощадный цербер, заскакивая на каждой пятиминутке в бригадирскую для того, чтобы указать на нерадивость штатного состава работников абакумовской диспетчерской, почему-то всё время высверливала ярым глазом Стаса с Виктором. Видимо, этим она хотела всем указать на истинных виновников жалоб, валом валивших на достославную диспетчерскую.

Стас понимал, откуда несёт «тухлятинкой», но поделать ничего с этим было нельзя. Варвара трудилась изо всех сил, снабжая начальство информацией, с изуверским наслаждением извращая её всевозможными способами. Немудрено, что Харицкая так насаждала в своём негодовании на злосчастную ремгруппу. В такой ситуации нечего было и думать подходить к ней с квартирным вопросом!

Прав был Витя! Мерзкая баба почему ни попадя рьяно выплёскивала свою желчь на мужиков. В дни её дежурства, Стас, заходя по надобности на пульт, прямо-таки физически ощущал словно бы першение в горле, – такое психологическое «амбре» было разлито в воздухе! Последняя февральская неделя и прощай спокойная жизнь! Хозяева квартиры не дадут продыху с очередным подорожанием! Полста «зелёных» надбавки запросят, – не меньше! Стас крякнул с досады, чем привлёк внимание Виктора, расценившего этот звук по-своему.

– Точно, пузырёк надо взять! Иди, открывай, я сейчас приду.

– Ладно, – буркнул Стас. Он прекрасно понимал, что «сейчас» у Вити потянет на добрых полчаса. Его напарник точно наострился заскочить в квартирку в доме напротив. У знакомой дамочки сменить старые вентиляные головки на керамические. Их-то как раз и видел Стас в Витином чемоданчике. Он вздохнул. Загребая ногами осточертевшую ледяную жижу, поплелся дальше.

Уже к вечеру, посбивав пальцы на смене проржавевших вентилях на стояках, в пасмурном настроении и с головной болью от не пошедшей дозы водки, видимо, «палёной», (на что Витя философски упомянул старуху с прорухой), Стас очутился у подъезда диспетчерской. Обойдя широкий ров раскопанной теплотрассы, над которым трудились солдаты стройбата, он с облегчением подумал о близком отдыхе.

Войдя в коридор, Стас сбросил с плеч неподъёмную сумку рядом с чемоданчиком Виктора и повернул к двери пультовой. Повесив ключ от подвальной двери, Стас попрощался с Галиной. Подхватив по пути сумку с чемоданчиком, который Виктор, как обычно милостиво разрешал донести до диспетчерской, направился к слесарке.

Дверь в неё была приоткрыта. Стас ещё издали увидел на фоне светлеющего окна чей-то силуэт. Что-то ему показалось непривычным в обмякшем торсе, подавшейся вперёд голове, которую подпирала рукой сидевшая у подоконника фигура. В ней он тотчас же узнал Алексея. В розовых отблесках заходящего солнца было хорошо видно его лицо. В широко раскрытых глазах Алексея, высвеченных предзакатными лучами, Стас увидел то, чего никак не ожидал от ёрника и тупой обломины, каким он привык считать бывшего прапорщика. Алексей глядел на копошащихся за окном солдат и какая-то неизбывная тоска отрешённой маской страдания застыла в его безнадежном взгляде.

Он глубоко и прерывисто вздохнул, как вздыхает наплакавшееся дитя на груди матери после горестной несправедливой обиды. Что мнилось ему? Утерянная власть в силу неодолимых обстоятельств или чувство вселенской обиды от невозможности принадлежать к особому обществу под названием «армия»?.. Кто знает?

Глава 6

Эпистема... – Мужики, я в буфет, говорите, что кому взять...

Сергей, счастливый обладатель пары ходячих ног, опросил лежащий контингент пяти-сот сорок восьмой палаты. Глядя на него совершенно определённо можно было сделать вывод, с чем он находится здесь на излечении. Его согбенная сколиозом спина вводила всех в заблуждение. Но это было обманчивое впечатление. Он имел несчастье сломать себе руку и довольно неудачно. И всё же с парой титановых скобок Серёга был в несравненно более выгодном положении. С присущей ему щедростью натуры, он частенько выполнял просьбы своих обездвиженных сотоварищей.

Случалось, в отсутствие санитарки ему исполнять и более интимные просьбы. Но Серёга безропотно подавал и опорожнял «утки» и «судна» с таким выражением лица, словно он был самолично виноват в скорбном положении просящего.

– Сергей, возьми мне вафель и кефира. И, если есть, какую-нибудь минералку без газа.

Стас, кряхтя, повернулся к тумбочке и вытащил деньги.

– Может, пивка, где надыбаешь, Вон Юра слюной заходится. Ему можно, у него кости в порядке, а я вот буду страдать...

Юра делал вид, что спит и не слышит Стаса. Он не мог себе позволить такую роскошь. Вся его личность давно перешла в область туманных грёз, а до её пополнения оставалась долгая неделя.

Стас только к концу второго дня понял, насколько его положение здесь будет зависеть от таких ходячих «счастливчиков». Все обездвиженные «скелетники» вообще быстро смекали эту простую истину, всячески ублажали своих добровольных «патронов». И только один из них занимал место, которое Стас никак не мог долго определить.

Каждый день в палате появлялось это маленькое, худосочное существо. Оно было мужского рода с лицом тряпичной куклы, только сильно состарившейся. Существо это, маленький, скукоженный мужичок, возбуждал в отношении своей особы смешанное впечатление насмешливой жалости и безразличия. К тому же, своими повадками он напоминал маленького испуганного пёсика. Трясаясь при каждом внезапном появлении больничных работников, мужичонка съёживался, забивался в тёмный угол и там замирал.

Впрочем, при появлении санитарок он был смелее. В моменты раздачи пищи он робко просил налить ему «черпачок жиденького». Но это была лишь проформа. Валера, ибо имя он имел вполне человеческое, в такие часы становился счастливym обладателем пары-тройки добротных порций. Порции доставались ему от истомлённых плохим самочувствием больных, страдающих отсутствием аппетита.

Свой крест Валера нёс безропотно. Долгими вечерами, когда измученная плоть страдалец находила утешение в привычном мужскому естеству сорокаградусном забвении, Валера, с аскетичными интонациями, будто рассказ и не касался его жизненных перипетий, присовокуплял эпизоды своей крутой судьбы к не менее крепким дозам хмельного болеутолятеля. Как-то, в конце третьего дня, из сгустившихся сумерек через балконную дверь неслышной полутенью возникла его маленькая, серенькая фигурка. Юра, лежавший ближе всех, в сердцах воскликнул:

– Тебе бы, Валерик, где-нибудь призраком работать!

– Чего «призраком»? Беспаспортный я... Сам-то я из Казахстана... Когда сел, Союз ещё был, а вышел – нету паспорта! Стали менты гонять, на работе только батрачить за похлёбку... Да и работать мне нечем, пальцы мне менты перебили, не слушаются теперь. Здесь их лечил, да вот остался... помогать. Вроде зав. отделения знает, но не гонит. Сами видите, санитарок нет, а я только и годный, что бельё собрать, куда отвезти, что раздать...

А кады кто из начальства появляется, всё равно лучше пересидеть где-нибудь в уголке, с глаз долой...

— Домой чего не едешь, в Казахстан?

— А не к кому. Там мать с сеструхой жили. Мать померла, когда я чалился, а сеструха уехала сюда, в Москву. У нас тут другая сеструха, двоюродная, живёт, да я только не знаю адрес.

Что-то забрезжило в голове Стаса, и он с интересом спросил:

— Как сестёр звали?

— Мою? Мою-то Нинка, а двоюродную Любкой, если правильно помню.

Стас ничего не ответил. Усмехнувшись, он сказал:

— Съезди, Валер, вот по такому адресу на Ярославском шоссе, здесь недалеко, по прямой...

Стас назвал известный ему дом, объяснив сложившуюся ситуацию. Валера не удивился такому жизненному раскладу, только сказал потухшим голосом:

— Чего удивляться, жизнь моя такая, — выше головы не прыгнешь...

Что хотел этим сказать бедолага, не было ясно. Но почему-то все в палате замолчали, издав, по всему виду, сочувствующие вздохи.

И всё же, разногласия по поводу жизненных установок Валеры иногда возникали на социально-философском уровне. Юра, скептически хмыкая, в ответ на жалостливые реплики сотоварищей по палате, с немалой долей иронии замечал:

— Вашего Валеру никто не принуждал жить по такой схеме! Выбор есть всегда и у всех! Только один крестинствует, то есть, обходится набором примитивных правил, которые в ходу у его социального окружения, а другого они не устраивают! Вам, голубки мои, это хоть ясно?

И, не дожидаясь ответа, язвительно добавлял:

— Я немало, впрочем, как и вы все, повидал таких Валер. Все они в один голос плакались о своей несчастной доле и всякой такой ерунде! Чего ему мешает обустроить эту свою долю по-другому? Да элементарная лень! Он хоть бы попробовал тыркнуться в какую-нибудь сторону, так нет же! Он предпочитает юродствовать!

— Мне кажется, Юрий Михайлович, что вы тут не совсем просекаете сущность этого социального явления, как бомж! — иронично откликнулся со своей койки Серёга. — Вы то хоть представляете его положение? Куда ни ткнешь, везде чиновничья стена и каждый из них норомит пинком отпасовать Валерика к следующему, даже не выслушав его!

— Н-да? И ваш Валерик, тут же, пустив жалостливую слезу, забивается в угол и сидит там как цуцик, грея свой геморрой! Да никто его и не будет жалеть! Он что, дитя малое, чтобы не знать такую простую истину?! Тыркаться надо туда-сюда по сто раз на день, пока у чиновника, по вашему образному выражению нога не устанет пинать!..

— Об этом хорошо говорить, а как дела коснешься, так хотелка с терпелкой отваливаются, — съязвил Стас. — Я вон пять лет пытался разменять свою квартиру, да только перевел кучу денег на этих оглоедов. Уж меня-то пинала всякая шваль, с которой срать рядом не сел бы, не то, что с ней дело иметь!

Стас горестно вздохнул и замолчал.

— Понятно! — Юрий Михайлович усмехнулся и назидательно сказал:

— Вот если бы кто-то здесь внимательно читал классиков, то, может быть, и поднабрался бы опыта! Помнишь, у Булгакова в «Мастере...» был один проходимец, который из однокомнатной квартиры без всяких чудес превратил ее в три трехкомнатные?!

— Чего ты хочешь этим сказать? — вяло отреагировал Стас. Он слишком хорошо изучил этот квартирный вопрос, чтобы услышать для себя что-то новое или полезное.

— А то, что ты, как следует из результата твоей квартирной эпопеи, не тот типчик, о котором писал Булгаков. Не надо было тебе самому заниматься этой канителью. Вместо

того, чтобы кормить этих клопов, на которых ты перевел столько денег, нашел бы ловкого человечка, который обошелся бы тебе намного дешевле и дело твое было бы в шляпе!

– Да что ты, Юр, заладил все «бы, да кабы»! – недовольно отпарировал Стас. – Чего теперь говорить об этом! Я все перепробовал и все псу под хвост...

– Это ты так думаешь, что все!

Излишняя категоричность Юры, смущала его собеседников. Они предпочли не продолжать этот абстрактный разговор. Все давно уже заметили, что сам Юрий Михайлович, хоть и резок был в суждениях в отношении Валеры, однако это нисколько ему не мешало активно пользоваться его даровыми услугами. Это только подчёркивало странное одиночество Юрия Михайлович. За истекившие три дня ни один посетитель не соизволил его потревожить. Заметить-то заметили, но спрашивать об этом странном явлении у него, вполне понятно, никто не решался. Сам Юра предпочитал вопрос о своих родственниках обходить стороной и с этим его правом мужики считались вполне деликатно...

Иван всю обратную дорогу от следователя находился в мрачных размышлениях. Что-то неприятное ворошилось в душе, и он никак не мог определить причину такой тревоги. «Тетрадку его показывал... Зачем? Сказал – улика... Неужели за Петькой такое дело? Не может быть!.. Сам он такое не удумал бы!.. Значит с кем-то... Душу выну из паршивца...».

С порога, швырнув сумку в угол, Иван крикнул:

– Мать, Петька приходил?

Жена отозвалась из кухни:

– Да был, но ушёл.

Не получив ответа, вышла в коридор и увидев мрачное закаменелое лицо Ивана, спросила встревожено:

– Что-то случилось с ним?

Иван зло посмотрел на неё:

– А когда-нибудь с ним было хорошо? Но на этот раз, кажись, вляпался наш петушок!

– Да, господи, что случилось, скажи, наконец!

– Ничего, – буркнул Иван и ушёл в ванну. – Я мыться буду. Петька придёт, не отпускай его и стукни мне.

– Ах, господи, господи! Опять дня не проходит, чтобы не приключилось с ним что-то! Всё сердце изболелось! А всё ты, со своими подначками да битьём! Что из мальчика сделал!

– Заткни свое поддувало! Сама бы не лезла со своим жалканьем, парень бы знал твёрдое воспитание!

За обедом Иван, уткнувшись в тарелку, отмалчивался от бесконечных воздыханий жены «что да как». Он и сам терялся в бесчисленных догадках. Свирепея от жуткой неопределённости, Иван едва удерживался, чтобы не наговорить жене кучу неприятных слов. Что-то ему подсказывало, что силы стоит поберечь для чего-то важного и поворотного в судьбе его семьи и его самого.

Степан Макарыч надев очки, принялся изучать акт осмотра квартиры злостного нарушителя дезовских законов. По крайней мере, так выходило из весьма пространного текста на трёх машинописных листах. Что и говорить, Юлия Семёновна была докой в таких делах. Описывая чудовищный разор в квартире нарушителя, она не преминула приукрасить факты изрядной долей драматизма, присовокупив препятствование жильца-рецидивиста к проникновению в его квартиру официальной комиссии. Так же красочно была описана невыносимая моральная атмосфера, кою жилец создавал устным изложением своих неудовольствий по поводу законных требований администрации восстановить в десятидневный срок порушенную квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.